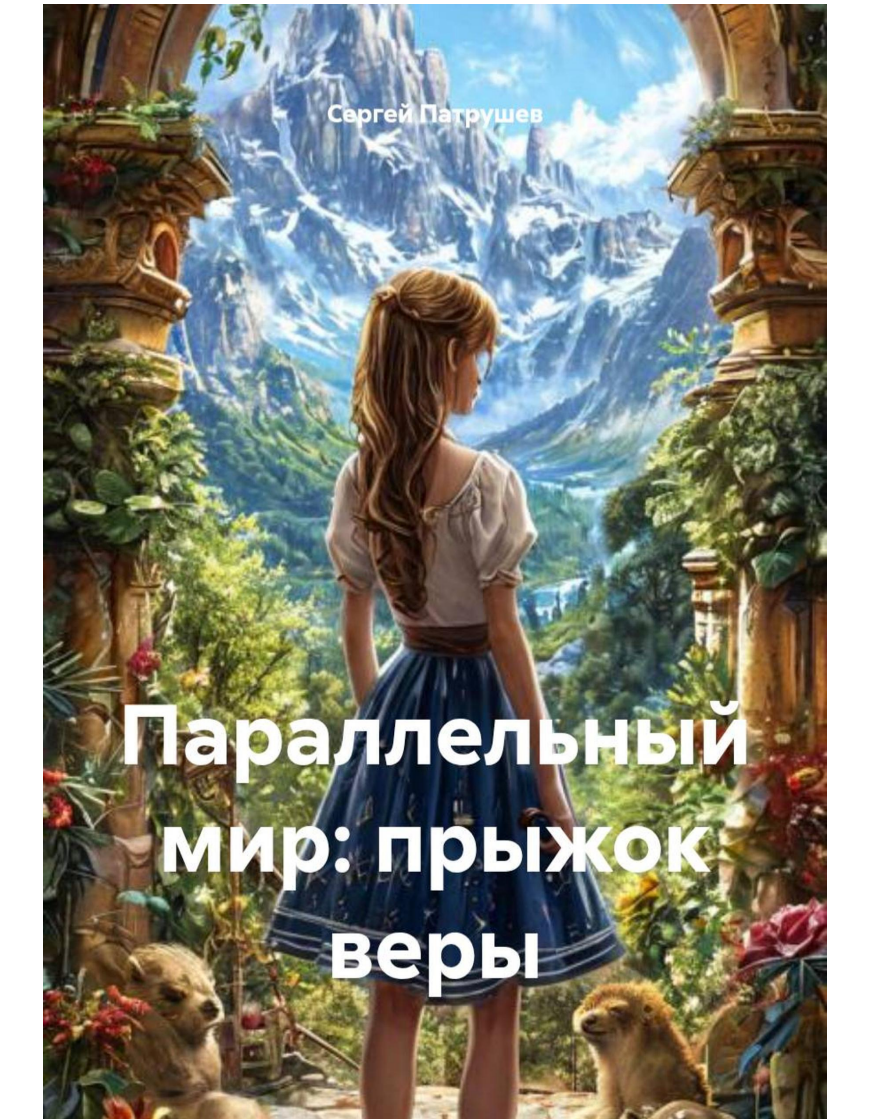

Сергей Патрушев

Параллельный мир: прыжок веры

Сергей Патрушев

Параллельный мир: прыжок веры

<https://litres.ru/73771374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды обычная девушка Алиса находит портал в параллельный мир — Эрру, где магия дышит в каждом камне, а правила этикета могут стоять жизни. Здесь сожаления становятся валютой, звёзды дарят предсказания, а кофе открывает чужие души.

Встретив загадочного миллионера Астора, который помнит её прошлую жизнь, Алиса погружается в водоворот приключений: её ждут говорящие животные, битвы огня и льда, аристократические скандалы, тайные свитки и кинжал времени. Но главное испытание — не магия и не битвы. Ей предстоит прыжок веры: принять себя, полюбить своё тело, простить врагов и сделать выбор между двумя мирами. Сможет ли она вернуть равновесие в Эрру и обрести дом на Земле?

«Параллельный мир: Прыжок веры» — это история о поиске себя, о том, что настоящая магия живёт в сердце, а любовь способна соединить любые вселенные. Для тех, кто верит в чудеса и не боится прыгнуть в неизвестность.

Сергей Патрушев

Параллельный

мир: прыжок веры

Глава первая

Алиса и не думала, что обычный вторник закончится тем, что она провалится сквозь зеркальную стену в заброшенном крыле старой библиотеки. Один шаг, вспышка, похожая на солнечный зайчик, преломлённый гранёным хрусталём, и вот она уже стоит босиком на траве, которая на ощупь холоднее обычной и пахнет не летом, а далёкими звёздами. Мир, открывшийся ей, назывался Эрра, и он был живым, дышащим организмом, который не терпел пустоты.

Первое, что поняла Алиса – здесь нет горизонта. Воздух на расстоянии мили начинал мерцать, как марево над асфальтом, и перетекал в небо плавно, без границы, так что земля и небо были двумя реками, текущими навстречу друг другу. Цвета здесь имели вес: жёлтый был лёгким, как пух, и поднимался вверх, а фиолетовый тянул вниз, поэтому все дома строили из спрессованных оттенков заката, и они казались неказистыми, но невероятно устойчивыми. Магия Эрры была не заклинаниями, а правилами общежития. Напри-

мер, здесь нельзя было лгать не потому, что это грех, а потому что ложь физически превращалась в серый липкий туман, оседавший на лёгких лжеца, и люди с неправдой внутри начинали задыхаться уже через пару часов. Честность была не добродетелью, а гигиеной.

Алиса заметила, что местные жители никогда не ходят по одному и тому же маршруту дважды. Улицы, тропы и даже реки меняли русло каждые сутки, подчиняясь настроению земли. Сейчас этот переулок ведёт к пекарне, а завтра он свернёт в сторону кладбища забытых имён, и если ты пойдёшь по привычке – пропадёшь. Поэтому у каждого жителя на поясе висел компас, но не на север, а на «сейчас» – стрелка всегда указывала на самое важное событие текущей минуты. Если у тебя разбито сердце, компас покажет на аптеку, где варят настойку забвения из лунного мха. Если ты голоден – на самую свежую еду в радиусе трёх миль.

Правила жизни здесь были парадоксальны для человека с большой земли. Чтобы получить что-то, нужно было отдать равное по значимости воспоминание. Алиса увидела, как девочка лет десяти купила яблоко, отдав торговке воспоминание о первом снеге – и тут же забыла, как пахнет зима, но яблоко в её руке стало светиться изнутри. Деньги здесь были только для чужаков, а настоящей валютой служили сны, слёзы и минуты искреннего восторга. Богачом считался тот,

кто мог позволить себе плакать каждый вечер – его слёзы, собранные в хрустальные флаконы, шли на лечение лихорадки. Бедняком – тот, кто разучился удивляться.

В Эрре не умирали. Вернее, тело умирало, но личность перетекала в ближайший ручей или в камень, нагретый солнцем, и продолжала говорить, спорить, шутить. Алиса села на валун у дороги, а он вдруг проворчал голосом старого рыбка: «Не ёрзай, девка, у меня поясница». Домашние кошки здесь были судьями – они видели прошлое и будущее одновременно, но говорили только мурлыканьем, которое нужно было расшифровывать по вибрации хвоста. Смертная казнь отсутствовала, но было наказание страшнее: провинившегося заставляли жить в доме без зеркал и окон, где он видел только себя в воображении других – и если никто о нём не думал, он становился прозрачным, как стёклышко, и исчезал из памяти мира, оставаясь физически здесь, но полностью невидимым для всех.

Магия здесь была не инструментом, а диалогом. Нельзя было просто взять и зажечь огонь – нужно было попросить воздух разогреться, объяснив ему, почему это важно. Если причина была корыстной, пламя получалось серым и холодным. Если искренней – огонь плясал и пел. Алиса стала свидетельницей того, как пожилая женщина уговаривала дождь пройти стороной, чтобы не намочить цветы, и дождь послу-

шался, свернув в овраг, как послушная собака. Зато когда местный мальчишка попытался заставить ветер поднять его в воздух без разрешения, ветер просто расстегнул его куртку и ушёл, оставив обидчика на земле с пустыми карманами.

Главное же правило, которое Алиса поняла к вечеру: здесь нельзя ничего планировать. Сама ткань Эрры менялась в зависимости от желаний прохожих, и если ты твёрдо решал пойти налево, мир мог специально развернуть дорогу направо, чтобы проверить, насколько ты гибок. Те, кто упрямился, через неделю превращались в статуи на перекрёстках – их ставили как наглядное пособие для туристов. Алиса, сама того не желая, сделала шаг вперёд, и зеркальная стена за её спиной сомкнулась бесшумно, как вода над утопленником. Параллельный мир принял её, и первое, что она услышала – смех ручья, в который впала чья-то душа, и тот сказал: «Ну здравствуй, новенькая. Надеюсь, ты не боишься забыть своё имя. Потому что здесь его всё равно никто не запомнит – только то, как ты смеёшься».

Алиса поняла, что одно дело – наблюдать за магией улиц и говорящими камнями, и совсем другое – не опозориться в самом обычном разговоре. В Эрре этикет был не сводом скучных правил, а системой выживания, куда более строгой, чем любой закон физики на её родной Земле. Первое, что ей пришлось выучить наизусть – приветствие. Здесь нель-

зя было просто сказать «здравствуйте». Нужно было назвать не своё имя, а своё текущее состояние. Женщина в синем плаще представилась как «Усталость, переходящая в любопытство», а её спутник – «Голод, смягчённый надеждой на обед». Алиса, замаялась на секунду, а потом выдавила. «Растерянность, замешанная на восторге». Прохожие одобрительно закивали – ложь в приветствии распознали бы сразу, по едва уловимой горечи в воздухе.

Оказалось, что смотреть в глаза здесь разрешалось только равным по силе магии. Если ты встречал взгляд того, кто был намного могущественнее, твои зрачки начинали слезиться, а веки тяжелели, как после бессонной ночи. Поэтому все ходили чуть опустив голову или скосив глаза на чужую обувь. Взгляд в упор считался вызовом на поединок – не драку, а соревнование в остроумии, проигравший в котором терял право говорить шёпотом целую неделю. Алиса случайно уставилась на высокого мужчину с посохом, и тот понимающе улыбнулся, но его зрачки вспыхнули серебром – девушка моргнула и вдруг забыла, как называется её любимый цвет. Потеря вернулась через час, но осадок остался.

Самым странным оказался запрет на прикосновения к чужой тени. В Эрре тень была отдельным существом, хранящим память о всех падениях и обидах человека. Если наступить на тень, она может взвизгнуть, а её хозяин внезап-

но почувствует боль в том месте, которого никто не касался. Алиса увидела, как двое детей играли в пятнашки, но бежали так, будто между ними натянута невидимая верёвка – каждый обходил тень другого по широкой дуге. Нарушителя ждал штраф: он должен был отдать свою тень в услужение на три дня. Алиса представила, как её собственная тень моет полы в чужом доме, и поёжилась.

Ещё одно правило касалось еды. За столом нельзя было говорить о прошлом или будущем – только о том, что происходит прямо сейчас. «Этот суп горячий», «Хлеб хрустит», «Мне нравится, как пахнет твоя рука» – вот допустимые темы. Воспоминание о вчерашнем дне за обедом могло сделать еду безвкусной, а мечта о завтраке – превратить кашу в песок. Алиса, привыкшая за столом болтать о планах, подавилась куском, когда старуха напротив строго поджала губы и прошептала: «Тише, девочка, ты спугнёшь вкус мяты».

Особо почитаемым считалось правило пустого стула. В любом доме, в любой таверне всегда стоял один свободный стул – для неожиданного гостя, которым мог оказаться кто угодно: заблудший дух, бывший враг или просто усталый путник. Если на этот стул никто не садился в течение дня, хозяева должны были сесть на него по очереди и рассказать стулу что-то сокровенное, иначе мебель начинала скрипеть от одиночества. Алиса заметила, что даже на улице, у фон-

тана, стояла скамейка с табличкой «Для того, кого мы ещё не знаем».

Отдельным искусством было прощание. Нельзя было говорить «до свидания» — это звучало как насмешка над непредсказуемостью мира. Вместо этого жители Эрры проносили «Оставайся в том времени, которое тебя выбрало». Или просто касались кончиками пальцев своей щеки, а потом лба собеседника — так они желали ему не вернуться, а найти новую дорогу. Алиса, покидая чайный дом, машинально махнула рукой на прощание, и у неё вдруг зачесалась ладонь. Хозяин заведения мягко перехватил её руку и сложил пальцы иначе — в фигуру, похожую на распускающийся бутон. «Так здесь благодарят за то, чего ещё не случилось», — пояснил он. Алиса посмотрела на свою ладонь и поняла, что уже никогда не сможет махать по-старому. Правила въедались в кожу быстрее, чем она успевала их запомнить. И это, пожалуй, было самым главным правилом этикета в Эрре — никогда не делай вид, что ты здесь новенькая. Мир этого не прощает, но охотно прощает ошибки тем, кто их признаёт.

В Эрре не существовало немых тварей. Каждый зверь, от муравья до оленя, обладал даром речи, но пользовался им так, как считал нужным, а не как было удобно человеку. Алиса узнала об этом на второй час своего пребывания, когда попыталась погладить рыжего кота, греющегося на крыльце.

Кот открыл глаза и сказал басом отставного генерала: «Убери руку, девушка. Я не из тех, кто мурлычет за просто так. Если хочешь меня потрогать – предложи историю. Короткую, но с неожиданным концом». Алиса, заикаясь, рассказала, как однажды потеряла ключ в сугробе и нашла его через три месяца в собственном кармане. Кот прищурился, подумал и разрешил погладить себя ровно два раза – третий был бы уже за счёт будущей истории.

Выяснилось, что животные здесь строго соблюдают иерархию молчания. Чем крупнее зверь, тем меньше слов он тратит. Лоси и медведи изъяснялись исключительно междометиями и паузами, но эти паузы были такими красноречивыми, что любой житель Эрры мог бы перевести их как целую лекцию по философии. Птицы же, наоборот, болтали без умолку, но их речь была настолько быстрой и полной метафор, что люди понимали только каждое пятое слово. Алиса услышала, как воробей на заборе выкрикнул: «Крыша! Крыша! Там суп остыл, и тень от трубы падает налево, а должно направо!» – и прохожие тут же свернули к дому с покосившейся черепицей, потому что воробьи никогда не врали, но всегда говорили загадками.

Самым опасным разговором считался диалог с пчелой. Пчёлы в Эрре были судьями, и каждая их фраза становилась необратимой. Если пчела сказала «этот цветок хорош» – так

оно и было навсегда. Если пчела сказала «ты мне не нравишься» – человека начинали избегать даже ближайшие друзья, не зная почему. Алиса наступила на одуванчик, не заметив, что на нём сидит пчела. Та взлетела, зависла напротив её носа и прожужжала всего одно слово: «Неосторожность». И Алиса вдруг почувствовала, как её левая рука стала неуклюжей – ложка выпадала, шнурки развязывались, и только через час она поняла, что пчела не прокляла её, а просто назвала качество, которое было внутри, но до этого не проявлялось так явно.

Собаки здесь говорили исключительно в рифму и только о том, что уже случилось. Они не умели врать, потому что их язык не знал будущего времени. Алиса присела на лавку рядом с псом по кличке Тень, и тот выдал: «Ты пахнешь домом, где нет порога / и дождь идёт снизу вверх по тревоге». Она ничего не поняла, но почему-то заплакала – пес описал тоску, о которой она сама не догадывалась. Хозяин пса, старик с трубкой, пояснил: «Не обижайся, он всех так. Просто собаки видят чужие сны насквозь, а пересказывают их в рифму, чтобы было не так больно».

Мыши же, напротив, говорили шёпотом и только о будущем, но их предсказания сбывались с точностью до наоборот. Поэтому если мышь пискнула «завтра будет солнце», все хватали зонты. Алиса увидела, как мышь в щели фунда-

мента прошептала «эта девушка найдёт свой путь домой», и обрадовалась, но старуха рядом покачала головой: «Не радуйся. Значит, она забредёт в такие дебри, что дом покажется раем». Самый ценный разговор в Эрре – это диалог с лошадью. Лошади говорили только правду, но говорили её медленно, по одному слогу в минуту, и заканчивали фразу иногда через три дня. Алиса подошла к гнедой кобыле у конюшни, и та начала: «Те-бе... ну-жно... най-ти...» – и замолкла до утра. Девушка так и не узнала, что нужно найти, потому что не дождалась окончания, но все вокруг отнеслись к этому с пониманием: «Никто не дожидается, – сказал конюх. – Лошади говорят для вечности, а мы для завтрака».

Под вечер Алиса встретила самое странное животное – старого слепого крота, который сидел на перекрёстке и молчал. Все проходили мимо с почтением, никто не пытался заговорить. Алиса спросила почему, и ей ответили: «Крот видит то, что будет после смерти мира. Он мог бы рассказать, но тогда мир умрёт от страха прямо сейчас. Поэтому он молчит, и это самый важный разговор из всех возможных». Алиса постояла рядом с кротом, чувствуя, как под землёй пульсирует что-то огромное и тёплое, и поняла, что в Эрре молчание – это тоже речь, просто на другом языке. Крот вдруг повернул к ней слепую морду и едва слышно выдохнул: «Ты хорошая». Это были единственные слова, которые он произнёс за десять лет. Алиса не знала, плакать ей или смеяться,

но пошла дальше, чувствуя за спиной невидимую защиту, которой не было минуту назад.

Глава вторая

Пляж в Эрре находился там, где кончались правила и начиналась чистая стихия выбора. Алиса вышла к нему на третье утро, когда устала от говорящих камней и этикетных поклонов, и вдруг поняла, что море здесь не имеет границ – оно уходило в бесконечность, но вода была не солёной, а сладковатой на вкус, с привкусом детства и первой влюблённости. Песок под ногами оказался не просто песком – каждая песчинка звенела на разной ноте, и если идти босиком, то из-под ступней рождалась хаотичная, но удивительно красивая мелодия. Алиса сняла кеды и почувствовала, как нота «си» щекочет пятку, а «фа-диез» застревает между пальцами. Несколько песчинок прилипли к коже и не отлипали, превращаясь в тонкие браслеты, которые светились в такт её сердцу.

Пляж был полон народу, но это был не тот шумный и суетливый отдых, к которому привыкла Алиса. Здесь царила какая-то странная, почти гипнотическая неспешность. Девушки – а их было большинство – лежали на песке, перекатывались с бока на бок, как кошки, и лениво переговаривались на языке, где каждое слово растягивалось в три раза дольше

обычного. Алиса поняла, что это диалект пляжа: здесь ускорение считалось дурным тоном, а быстрая речь могла спровоцировать отлив, потому что море обижалось, когда его не слушали. Девушки были прекрасны той особой красотой, которая не подчиняется законам земной гравитации. Их кожа отливала перламутром, волосы двигались сами по себе, даже в полном безветрии, а глаза меняли цвет каждые несколько минут – от бирюзового до фиолетового, в зависимости от того, о чём они думали.

Бикини здесь были не просто купальниками, а магическими артефактами, которые рассказывали историю своей владелицы. Алиса увидела девушку с янтарными лямками, которые светились всё ярче, когда она смеялась. Другая, с бирюзовыми треугольниками на груди, имела на животе узор из живых медуз – они ползали по её коже, но не жалили, а мягко массировали, и девушка блаженно щурилась от удовольствия. Третья носила бикини из застывшей радуги – цвета переливались и перетекали один в другой, создавая ощущение, что она раздета, но при этом одета в самую радугу. Алиса посмотрела на свой скромный чёрный купальник, купленный в обычном магазине на Земле, и почувствовала себя вороной среди павлинов. Но тут к ней подошла высокая шатенка с загаром, похожим на мрамор, и сказала: «Не стесняйся. Твоя скромность – это тоже украшение. В прошлом году я была голой, потому что не нашла ничего достойного.

А потом поняла, что стыд – это всего лишь одежда, которую мы носим из страха. Сними страх – и ты уже не голая». Шатенка щёлкнула пальцами, и чёрный купальник Алисы вдруг начал менять цвет, покрываясь серебряными искрами, как ночное небо в августе.

Особенностью пляжа было то, что никто не загорал просто так. Здесь каждый луч солнца был живым существом, и чтобы получить загар, нужно было договориться со светом. Девушки вели переговоры с солнечными зайчиками, которые прыгали по их телам, останавливались на ключицах, на поясницах, на бёдрах, и только если зайчику нравилось место, он оставлял там золотистый след. Одна девушка с копной рыжих волос никак не могла загореть на левой ноге – зайчики облетали её стороной, потому что, как выяснилось, девушка год назад наступила на медузу и не извинилась. Пришлось приносить извинения прямо сейчас, шёпотом, обращаясь к песку. Медуза, которая уже давно превратилась в призрак, приняла извинения, и через минуту левая нога покрылась ровным шоколадным оттенком.

Алиса заметила, что девушки на пляже почти не разговаривают друг с другом вербально. Вместо этого они обмениваются взглядами, жестами, лёгкими касаниями кончиков пальцев. Одна блондинка с бикини из морских звёзд легонько провела ладонью по животу подруги, и та вдруг нача-

ла светиться изнутри, как фарфоровая лампа. «Это способ сказать “ты прекрасна”, – пояснила шатенка. – Слова здесь слишком грубы для такой красоты. Прикосновение передаёт то, что язык не может: форму твоей души в данный момент». Алиса попробовала сделать то же самое – легонько коснулась плеча ближайшей девушки. И почувствовала не кожу, а целую вселенную: пульсацию, тепло, запах дождя и ещё что-то неуловимое, похожее на музыку, которую слышишь только во сне. Девушка улыбнулась и ответным касанием передала Алисе ощущение полёта – такое сильное, что у неё закружилась голова.

Оказалось, что купаться здесь просто так тоже нельзя. Вход в воду требовал разрешения. Не у спасателя, а у самой воды. Нужно было подойти к кромке прибоя и задать волне вопрос: «Можно?» Если волна отвечала зелёным свечением у ног – можно. Если синим – нужно подождать. Если красным – сегодня не твой день, вода занята, она переваривает утонувшие воспоминания. Алиса спросила у волны, та засветилась зелёным, и девушка шагнула в сладковатую, тёплую, как парное молоко, воду. Под водой открывался новый мир: песок светился изнутри, рыбы проплывали стаями, но вместо чешуи у них были зеркальные пластинки, в которых отражались лица всех, кто когда-либо тосковал по этому морю. Алиса увидела в одной рыбке лицо своей бабушки, умершей пять лет назад, и бабушка подмигнула ей из чешуи.

На пляже царило странное правило красоты: здесь не было некрасивых тел. Вообще. Алиса огляделась – полные, худые, высокие, низкие, с родинками, шрамами, веснушками, все были прекрасны такой абсолютной красотой, которая не нуждается в сравнении. Потому что здесь красота была не свойством тела, а свойством момента. Девушка с ногами разной длины лежала на песке и казалась статуей античной богини. Парень с ожогом на пол-лица улыбался, и ожог светился оранжевым, как закат. Женщина лет семидесяти с обвисшей кожей танцевала у воды, и каждый её жест был совершенным, потому что она вкладывала в него все свои семьдесят лет, все свои потери и радости. Алиса поняла, что на этом пляже нельзя смотреть на тело отдельно от души – они здесь срастаются намертво, и то, что на Земле считалось недостатком, здесь превращалось в уникальную черту, как подпись художника на картине.

Девушки загорали не просто так, а с определённой целью – каждая хотела заполучить «отпечаток лета». Это была татуировка из песка и света, которая проявлялась на коже только в полнолуние и жила ровно месяц, а потом исчезала, оставляя после себя воспоминание о счастье. Алиса увидела, как одна девушка получила такой отпечаток на пояснице – это был рисунок, изображающий её собственную улыбку со стороны, которую она никогда не видела. Девушка расплакалась

от неожиданной красоты. Другая получила отпечаток в виде падающей звезды на плече – и звезда медленно перемещалась по её руке в течение дня, падая всё ниже и ниже, пока не достигла запястья и не погасла с тихим вздохом.

Ближе к вечеру Алиса заметила, что все девушки на пляже начали собираться в круги по три-четыре человека, класть руки на плечи друг другу и закрывать глаза. Шатенка подозвала её: «Это час снятия масок. Раз в день мы показываем друг другу не то, что видим в зеркале, а то, что чувствуем внутри. Не бойся, это не больно. Просто закрой глаза и представь, что твоё тело становится прозрачным». Алиса закрыла глаза и вдруг почувствовала, как её кожа исчезает, мышцы исчезают, кости исчезают, и остаётся только свет. Свет разного оттенка: синий в груди – это тоска по дому, жёлтый в животе – это голод по приключениям, зелёный в руках – это желание творить. Девушки вокруг неё тоже светились, и они смотрели друг на друга не глазами, а этим внутренним свечением, и Алиса впервые в жизни почувствовала себя полностью видимой – не снаружи, а изнутри. Кто-то заплакал, кто-то засмеялся, одна девушка вдруг засветилась малиновым – это значило, что она влюбилась прямо сейчас, в эту секунду, и все почувствовали это тепло, как будто рядом зажгли камин.

Когда Алиса открыла глаза, солнце уже садилось, окраши-

вая песок в цвет старого золота. Девушки расходились, но не прощались, а просто исчезали – растворялись в воздухе, потому что на пляже Эрры никто не уходит, все просто превращаются в воспоминание о себе, которое будет греть тех, кто остался. Шатенка перед уходом подарила Алисе ракушку, которая шептала её имя на разных языках, даже на тех, которых не существовало на Земле. «Ты красивая, – сказала шатенка. – Не потому, что так выглядишь. А потому, что так светишься. Не забывай этот свет, когда вернёшься в свой мир без магии. Там он понадобится тебе больше, чем здесь». И исчезла, оставив на песке отпечаток своей ступни, который медленно заполнялся водой и таял, как первый снег весной.

Алиса осталась одна на берегу бесконечного моря, в бикини, усыпанном серебряными искрами, с ракушкой в руке и с чувством, что её внутренний свет теперь никогда не погаснет, даже если она зажмурится изо всех сил. Волна подкатила к её ногам и прошептала: «Приходи завтра. Я покажу тебе, как выглядит твоя улыбка со стороны». Алиса кивнула и пошла прочь от пляжа, но песок всё ещё звенел под её босыми ступнями, складываясь в мелодию, похожую на имя, которого она пока не заслужила, но очень хотела бы носить.

Она уходила с пляжа, когда песок под ногами вдруг перестал звенеть. Вся мелодия, вся симфония из нот и полутонов оборвалась на одной высокой, почти истеричной ноте «ля»,

и Алиса замерла. Прямо перед ней, на границе песка и травы, стоял мужчина. Не просто мужчина – он был собран из таких контрастов, что взгляд скользил по нему, как по полированному стеклу. Ему можно было дать и тридцать, и шестьдесят – черты лица казались вырезанными из времени, которое не знает спешки. Одет он был в простую льняную рубашу и холщовые штаны, но ткань переливалась так, будто соткана из жидкого металла, а на поясе висела не монета и не компас, а маленькая клетка с живым огнём внутри. Огонь дышал, и от каждого его выдоха трава вокруг мужчины выгорала идеальным кругом.

Он улыбнулся, и Алиса поняла, что эта улыбка стоила дороже любых драгоценностей её мира – потому что он явно редко её использовал и берег, как сберегают последний глоток воды в пустыне. «Ты новенькая, – сказал он голосом, в котором слышался шелест купюр, но не бумажных, а тех, что печатают из лунного света. – Я знаю всех, кто приходит на этот пляж. А тебя вижу впервые. Садись». Он щёлкнул пальцами, и песок под Алисой сам сложился в удобное кресло с подлокотниками. Она села, чувствуя себя Золушкой, которую внезапно заметил принц, но принц оказался не в карете, а в Rolls-Royce из параллельной вселенной.

Его звали Астор, и он был миллионером. Но не в том смысле, к которому привыкла Алиса. В Эрре богатство из-

мерялось не количеством золота или власти, а числом искренних сожалений. Чем больше ты сожалел о непрожитых жизнях, несказанных словах, непройденных дорогах – тем ты был богаче. Сожаления здесь были твёрдой валютой, их копили, меняли, давали в долг под проценты, и банки Эрры ломились от тяжёлых, как свинец, воспоминаний о том, как кто-то не обнял умирающую мать или не купил тот самый пирожок на вокзале. Астор владел тремя банками сожалений и считался одним из богатейших людей мира. «У меня девять тысяч семьсот сорок три сожаления, – сказал он, глядя на горизонт. – Каждое весит по-разному. Самое лёгкое – о несъеденном завтраке. Самое тяжёлое – о том, что я не сказал дочери, что люблю её, когда она ещё могла слышать». Алиса хотела спросить, что случилось с дочерью, но Астор поднял ладонь: «Не спрашивай. Сожаление живёт только в тишине. Если его назвать вслух, оно обесценивается. Как разменная монета».

Он достал из кармана горсть сожалений – они выглядели как маленькие тусклые жемчужины, каждая с едва заметной трещиной. Астор перебирал их, как чётки, и каждая жемчужина издавала тихий звук: чей-то вздох, чей-то плач, чей-то скрип несмазанной двери. «Это моя сила, – сказал он. – И моя слабость. Богатство в Эрре – это способность чувствовать боль других как свою. Бедный человек чувствует только свою боль. Средний – свою и ближнего. А миллионер – весь

мир. Каждое утро я просыпаюсь с тысячей чужих сожалений на языке. Они горькие, как полынь. Но я привык. Знаешь, какая самая дорогая вещь, которую можно купить на сожаления? Прощение. Не получить, а дать. Простить себя за то, что не успел, не дотянулся, не долюбил. Это стоит столько, что даже я не могу себе этого позволить».

Алиса смотрела на него и не верила, что этот грустный, отстранённый человек с огнём в клетке был главным богачом. Он не походил ни на одного миллионера из её мира – ни «Мерседеса», ни яхты, ни охраны. Вместо этого у него была старая, потёртая карта мира, на которой все страны были зачёркнуты красным – он побывал везде, но везде оставил по кусочку сердца. «Хочешь узнать, как стать богатой в Эрре? – спросил он. – Не пытайся заработать сожаления. Они сами тебя найдут. Просто живи. Ошибайся. Не говори то, что нужно. Не иди туда, куда зовут. А потом смотри назад и не отворачивайся. Бедность – это не отсутствие денег. Бедность – это отсутствие смелости вспомнить». Он протянул Алисе одну из жемчужин. Та была тёплой, пульсировала, как маленькое сердце. «Это моё сожаление о том, что я не пришёл на этот пляж десять лет назад. Тогда я встретил бы тебя раньше. Но это ничего. Сожаления умеют ждать».

Вдруг клетка с огнём на его поясе задрожала, пламя заметалось. Астор помрачнел: «Извини. Меня зовут. Это сиг-

нал тревоги – кто-то в городе только что потерял последнее сожаление и стал абсолютно счастливым. Абсолютное счастье в Эрре смертельно. Счастливый человек забывает, что он человек, и превращается в бабочку. Живёт один день, а потом рассыпается пылью. Я должен спасти его. Заставить вспомнить хоть что-то грустное». Он встал, песчаное кресло под Алисой рассыпалось. «Пойдём со мной. Увидишь, как работают настоящие деньги. Не те, что покупают вещи, а те, что покупают время. Время – это единственное, чего нельзя накопить. Даже мне». Он протянул руку, и Алиса, сама не зная почему, взяла её. Ладонь миллионера была холодной, как первый снег, и твёрдой, как алмаз, но в середине, глубоко под кожей, билась горячая жилка – последнее живое воспоминание о том, кем он был до того, как стал богатым.

Они пошли прочь от пляжа, и песок под их ногами запел дуэтом – его басом и её дрожащим, неуверенным сопрано. Алиса оглянулась на море, и ей показалось, что из воды выглядывает шатенка и подмигивает: мол, не бойся, этот миллионер хоть и странный, но свой в доску. Астор обернулся и сказал: «Кстати, забудь всё, что ты знаешь о деньгах. В Эрре самая дорогая валюта – это улыбка, которой никто не видел. У меня их целых две. Обе спрятаны в сейфе под кроватью. Когда-нибудь покажу». И Алиса вдруг поняла, что этот человек, владеющий тысячами чужих сожалений, на самом деле беднее всех на этом пляже. Потому что он разучился

улыбаться при свидетелях. И его богатство было не даром, а проклятием, которое он носил так же естественно, как другие носят шрамы. Но почему-то именно рядом с ним Алиса почувствовала себя в безопасности впервые с тех пор, как провалилась сквозь зеркальную стену. Может быть, потому, что он был слишком богат, чтобы желать чего-то от неё. Или слишком беден, чтобы притворяться.

Они шли от пляжа вверх по дюнам, и Алиса то и дело спотыкалась – не потому, что песок был скользким, а потому что Астор шёл так быстро, будто за ним гналась его собственная тень, которую он задолжал кому-то по векселю. Но внезапно он остановился, поднял руку, и из утреннего тумана прямо перед ними начала проступать яхта. Не просто яхта – она была соткана из того же жидкого металла, что и его рубаха, но в отличие от одежды, этот металл дышал, пульсировал и переливался всеми оттенками синего, от цвета полуночного неба до цвета глаз утопающего. Яхта парила в трёх сантиметрах над песком, потому что, как пояснил Астор, «песок царапает днище, а я не люблю, когда мои вещи страдают». На борту золотыми буквами было выгравировано одно слово: «Послезавтра».

Алиса поднялась на борт по трапу, который сам выстился у её ног, и ахнула. Палуба была сделана из спрессованного времени – если приглядеться, можно было увидеть

внутри неё крошечные сцены: кто-то целуется под фонарём, кто-то плачет на вокзале, кто-то открывает подарок, который оказался совсем не тем, о чём он мечтал. «Каждый шаг по этой палубе – это чья-то прожитая минута, – сказал Астор. – Я купил их у умирающих. За сожаления. Они отдавали мне свои последние минуты в обмен на право ничего не жалеть в самый последний миг. Дорогое удовольствие. Но яхта того стоит».

Он щёлкнул пальцами, и яхта бесшумно поднялась выше, оторвалась от песчаной подушки и поплыла по воздуху, как по воде, оставляя за собой не волны, а тихие вздохи. Они летели над Эррой, и Алиса видела внизу города, реки, леса – всё это было игрушечным, но живым. Яхта не качалась, не скрипела, не издавала ни звука, потому что, по словам Астора, «шум – это признак неуверенности механизма. А моя яхта уверена в себе больше, чем я в свои лучшие дни».

Внутри яхта оказалась ещё роскошнее, чем снаружи. Кресла были вырезаны из цельных кусков янтаря, внутри каждого застыло по насекомому, но насекомые были не простыми – они шевелили лапками и смотрели на Алису с вековой печалью. Стол был сделан из застывшего водопада – если положить на него руку, можно было почувствовать прохладу горной реки. Астор провёл её в гостиную, где вместо картин на стенах висели окна в чужие сны. Алиса загляну-

ла в одно и увидела, как толстая женщина ест торт и плачет от счастья. В другом – старик играет на скрипке для пустого зала, и музыка была такой красивой, что у неё защипало в носу. «Не смотри слишком долго, – предупредил Астор. – Можно заблудиться. Сны имеют привычку приглашать в гости и не отпускать».

Он усадил её в кресло, которое мгновенно подстроилось под форму её тела, обняло, как мать, и спросил: «Ты голодна?» Алиса кивнула, хотя не чувствовала привычного земного голода. Здесь, в Эрре, голод был другим – не пустотой в желудке, а тоской по чему-то неизвестному, что могло бы сделать её счастливее. Астор хлопнул в ладоши, и из воздуха материализовался поднос. На подносе лежала клубника в шоколаде. Но не та клубника, к которой привыкла Алиса. Каждая ягода была размером с её кулак, цвета густой крови, и на каждой виднелся крошечный шрамик – след от того, как её срывали с куста. Шоколад был жидким, тёплым и пах не какао, а чем-то далёким и забытым – возможно, детством, возможно, первой любовью, возможно, тем утром, когда она впервые увидела снег.

«Эта клубника растёт только в одном месте в Эрре, – сказал Астор, беря ягоду двумя пальцами. – На склоне вулкана, который извергается раз в сто лет. Перед извержением клубника становится сладкой. После – горькой. Сейчас как раз

сладкий период. Ещё три дня, и придётся ждать следующего века». Он макнул ягоду в шоколад и протянул Алисе. Она откусила, и мир вокруг неё взорвался вкусами, которых не существовало на Земле: вкус первого поцелуя, вкус солёной воды на губах после долгого заплыва, вкус бумаги, на которой написали самое важное письмо в жизни, вкус тишины после того, как закончилась ссора, и вы оба поняли, что всё ещё любите друг друга.

Алиса закрыла глаза. Когда она их открыла, на её коленях лежала целая гора клубники, и каждая ягода была чуть-чуть другой – одна слаще, другая кислее, третья с горчинкой, как у хорошего кофе. «Это клубника воспоминаний, – пояснил Астор, жуя свою ягоду с видом знатока. – Каждая ягода хранит в себе момент чьей-то жизни. Вот эта, с белой прожилкой – момент, когда мальчик впервые увидел океан. А эта, с двумя семечками вместо одного – момент, когда девушка решила остаться, хотя все билеты были уже куплены. Ты ешь не просто еду. Ты ешь чужую жизнь. Поэтому клубника в шоколаде – самое дорогое блюдо в Эрре. Одна ягода стоит трёх сожалений среднего размера или одного крупного, с примесью надежды».

Алиса вдруг испугалась. «Я не могу это есть, – сказала она. – Это же чьи-то моменты. Я их украду». Астор рассмеялся – впервые за всё время их знакомства. Смех его был

скрипучим, как несмазанная дверь, но в нём чувствовалась такая тоска, что Алисе захотелось его обнять. «Украдёшь? Детка, эти моменты уже никто не помнит. Они потерялись, выпали из памяти, как выпадают зубы у стариков. Клубника – это консерватория забытого. Ты не крадёшь. Ты воскрешаешь. Каждый твой укус возвращает этот момент в мир. На секунду. А потом он исчезает навсегда. Но эта секунда – чистое золото. Я плачу за неё целые состояния».

Он пододвинул к ней блюдо с шоколадом – он был не чёрным и не белым, а прозрачным, как стекло, и сквозь него было видно, как ягоды бьются в сладком плену, как маленькие сердца. «Попробуй вот эту, – он выбрал ягоду с крошечным шрамом в виде полумесяца. – Это момент, когда женщина решила не звонить своему бывшему. Самый дорогой момент на этом подносе. Стоит пяти сожалений. Она не позвонила, и поэтому прожила счастливую жизнь. Но всю жизнь гадала: “А что, если бы?” Это гадание и есть шоколад. Горький и сладкий одновременно».

Алиса взяла ягоду, макнула в прозрачный шоколад, и когда надкусила, перед глазами пронеслась чужая жизнь: телефонная будка, мокрый асфальт, зажатая в кулаке монета, долгие колебания, и наконец – она кладёт трубку, выдыхает и идёт домой, где её ждёт другой человек, с чашкой чая и пледом. Алиса заплакала, сама не зная почему. Слезы были

солёными, но на вкус напоминали тот же прозрачный шоколад.

«Ты плачешь, – сказал Астор без осуждения. – Значит, ягода подействовала. Ты не просто съела чужой момент. Ты прожила его. Теперь он останется с тобой навсегда. Как крошечная чужая душа внутри твоей. Поздравляю. Ты стала на одну ягоду богаче. И на одну сожаление беднее. Так работает экономика Эрры».

Он откинулся в кресле, и яхта «Послезавтра» плавно пошла вниз, к неизвестному Алисе городу, сверкающему внизу огнями, похожими на те же самые сожаления – только не спрессованные в жемчуг, а рассыпанные по улицам, как драгоценный мусор. Астор взял последнюю ягоду, самую маленькую, и сказал: «Эта для меня. Моё собственное воспоминание. О том, как я впервые увидел этот мир. Я был бедным, голодным и таким счастливым, что готов был умереть. Сейчас я богатый, сытый и несчастный настолько, что готов жить вечно. Ирония, да?» Он съел ягоду, закрыл глаза, и на его лице впервые за долгое время появилось выражение, похожее на покой. Алиса смотрела на него и понимала, что эта яхта, эта клубника, этот шоколад – всё это не роскошь. Это способ не забыть, что такое быть живым. И что самый дорогой товар в любом мире – это момент, когда ты забываешь о цене.

Глава третья

Яхта «Послезавтра» опустилась на площадь, вымощенную облаками, – они были плотными, как мрамор, но если наступить чуть сильнее, нога проваливалась по щиколотку в белую вату. Астор помог Алисе сойти на эту неверную поверхность и сказал: «Добро пожаловать в Торговый ряд. Здесь ты поймёшь, что значит покупать по-настоящему». Площадь кишела народом, но это был не суетливый земной шопинг – здесь царила та же странная неспешность, что и на пляже, только помноженная на предвкушение. Продавцы не выкрикивали товар, а сидели на подушках и молчали, позволяя вещам самим привлекать покупателей. И вещи действительно привлекали – они светились, шептали, издавали тонкие музыкальные звуки, а некоторые даже танцевали на витринах, умоляя обратить на себя внимание.

Первым делом Астор повёл её в обувной ряд. Здесь туфли жили своей жизнью: они сами выбирали себе хозяев, а не наоборот. Алиса увидела пару босоножек из спрессованного лунного света – они парили в воздухе на уровне её колен и, когда она приблизилась, тихо запели колыбельную. «Не бери их, – посоветовал Астор. – Они поют только грустное. Через неделю ты будешь ходить и плакать о том, чего даже не теряла». Другая пара – грубые ботинки из вулканическо-

го стекла – громко ругались матом, когда кто-то пытался их примерить. «А вот эти возьми, – сказал он про третью пару, простые сандалии из высушенной речной пены. – Они помнят все брода в Эрре и никогда не промокнут. Цена? Одно воспоминание о том, как ты впервые упала в лужу и рассмеялась вместо того, чтобы заплакать». Алиса порылась в памяти, нашла тот момент – ей было четыре года, лужа была огромной, а мама смеялась громче неё. Она отдала это воспоминание продавцу – маленькому лысому человечку с глазами-вишенками – и сандалии сами наделись ей на ноги, удобные, как вторая кожа.

Дальше был ряд с одеждой. Это была не просто одежда – это были перевоплощения. Каждое платье, каждая рубашка содержали в себе характер, настроение, иногда целую судьбу. Алиса провела рукой по вешалке, и одно платье – цвета индиго, с рукавами-крыльями – вдруг обняло её и прошептало: «Я сделаю тебя смелой. На один день. Но этот день ты запомнишь навсегда». Другое, алое как кровь, зашипело: «Не верь ему. Я сделаю тебя страстной. Правда, потом ты три дня не сможешь смотреть на мужчин без отвращения. Но оно того стоит?» Астор рассмеялся и выбрал для Алисы простое льняное платье цвета утреннего тумана. «Оно не даёт никаких сверхспособностей, – сказал он. – Оно просто делает тебя собой. Но собой настолько, что ты сама удивишься. Это самое дорогое, что можно купить. Три сожаления и

одно обещание никогда не носить его в дождливую погоду – туман обижается на дождь».

Продавщица платьев оказалась старой женщиной с руками, покрытыми картой звёздного неба. Она долго смотрела на Алису, потом взяла её ладонь и поцеловала каждый палец. «Ты из другого мира, – сказала она без вопроса в голосе. – У нас такие редко задерживаются. Но ты останешься. Я вижу по твоим локтям. У остающихся локти светятся изнутри». Алиса посмотрела на свои локти – они действительно светились слабым золотым светом, которого она раньше не замечала. «Не пугайся, – успокоила старуха. – Это просто память о том, как ты шла. Каждый твой шаг оставляет след. У нас следы светятся. У вас – нет. Вот и вся разница».

В ювелирном ряду продавались не украшения, а обещания. Кольца, серьги, браслеты – каждое содержало в себе слово, данное кем-то когда-то. Алиса взяла в руки тонкую цепочку, и та зазвенела голосом мужчины: «Я обещаю вернуться до рассвета». Другое кольцо, массивное, серебряное, бормотало: «Я никогда не брошу пить». Третье, детский браслетик с бубенчиками, звенело: «Я буду слушаться маму, честно-честно». Астор купил Алисе кулон в виде капли дождя. «Это обещание, которое никто не давал, – сказал он. – Самое ценное. Обещание самому себе. Ты ещё не знаешь, в чём именно, но когда-нибудь вспомнишь про этот

кулон и поймёшь. Он будет стоять дороже всех бриллиантов твоего мира». Кулон прильнул к её ключице, тёплый и живой, и Алиса вдруг почувствовала, что действительно кому-то что-то должна. Но не другому человеку. А той себе, которая проснётся завтра утром.

Самый странный магазин находился в конце ряда – там, где облачная мостовая истончалась и начинала светиться насквозь. Это была лавка запахов. Здесь продавали не духи, а целые истории, запертые во флаконах. Один флакон пах домом, который Алиса покинула, другой – морем, в котором она никогда не купалась, третий – страной, которой больше нет на карте. Продавец, юноша с глазами разного цвета – один голубой, другой чёрный – предложил ей понюхать флакон без этикетки. Алиса вдохнула и чуть не упала – это пахло её будущим. Смесью кофе, старой бумаги, мокрой шерсти и чего-то неуловимого, похожего на страх перед счастьем. «Не покупай это, – сказал Астор, заметив, как она тянется за флаконом. – Запах будущего вызывает зависимость. Люди вдыхают его раз, потом второй, потом продают всё своё сожаления, только бы узнать, что будет дальше. А будущее, если его понюхать, меняется. Становится скучным. Как пересказанный анекдот».

Вместо этого он купил ей флакон с запахом настоящего момента. Флакон был пустым, потому что настоящий мо-

мент не пахнет ничем, кроме самого себя. «Открой его, когда забудешь, где ты и кто ты, – сказал Астор. – Он напомнит тебе, что ты стоишь на этой площади, в этом городе, в этом мире, и что ты жива. Пахнет это жизнью. А жизнь, знаешь, ничем не пахнет. Но это самый лучший запах».

Алиса уже собиралась спросить, сколько всё это стоит, когда Астор остановил её жестом. «В моём мире не принято говорить о цене в слух, – сказал он. – Цена – это то, что ты чувствуешь, когда вещь уже у тебя. Если тебе радостно – ты заплатила мало. Если стыдно – много. Если ничего не чувствуешь – ты купила не то, что нужно. Всё просто». Он махнул рукой продавцам, и они поклонились – не ему, а её сияющим локтям. Алиса поняла, что Астор заплатил за всё. И что он никогда не скажет, сколько именно. Потому что настоящая щедрость, как и настоящий момент, не терпит свидетелей.

Они вышли с Торгового ряда, когда облачная мостовая начала розоветь от заката. Алиса была одета в новое платье, обута в сандалии из речной пены, на шее висел кулон-обещание, в кармане лежал пустой флакон с запахом жизни, а на душе было странное, щемящее чувство, будто она только что ограбила музей, но музей был счастлив, что его ограбили. Астор посмотрел на неё и вдруг сказал: «Ты изменилась. За один день. В твоём мире люди меняются годами. А

здесь – за одну покупку. Потому что мы покупаем не вещи. Мы покупаем то, чем эти вещи делают нас. Осторожнее с этим. Можно купить слишком много и проснуться однажды чужой». Он взял её за руку, и они пошли дальше – туда, где облака сменялись травой, а трава – тем, чего Алиса ещё никогда не видела. Городом, где дома пели.

Они покинули Торговый ряд, когда розовый закат начал густеть и превращаться в сиреневые сумерки, и Астор сказал: «Теперь, когда у тебя есть вещи, нужно научиться их носить. Не физически – традиционно. В Эрре каждая покупка – это ещё и обязательство. Ты не просто надеваешь платье. Ты заключаешь договор с тканью, с цветом, с кроем. Нарушишь традицию – платье обидится и уйдёт. Босиком по облакам ходить не очень приятно, поверь».

Первая традиция, которую Алисе пришлось освоить, называлась «примерка молчанием». После любой покупки, будь то серьги или носовой платок, нужно было ровно час не говорить ни слова о новой вещи. Не хвалить её, не жаловаться, даже не смотреть на неё слишком пристально. Вещь должна была сама решить, подходит ли она хозяину. Если через час вещь не начинала слегка светиться – значит, она не приняла тебя, и её лучше вернуть. Алиса с ужасом вспомнила, как сразу после покупки сандалий восторженно сказала Астору: «Какие удобные!» – и сандалии тут же перестали

светиться. «Ты их испортила, – вздохнул Астор. – Теперь они будут просто сандалиями. Обычными, без магии. Но носить можно. Хотя какой смысл в обычной вещи в Эрре?» Алиса поклялась больше никогда не нарушать эту традицию, но сандалии уже не слушали – они стали тяжёлыми и безразличными, как земная обувь.

Вторая традиция касалась цвета. В Эрре каждый день недели имел свой цвет, и носить вещи другого оттенка считалось дурным тоном, но не потому, что это некрасиво, а потому что неправильный цвет начинал спорить с небом, и у обладателя такой одежды могла начаться мигрень. Понедельник был белым, вторник – зелёным, среда – медным, четверг – синим, пятница – жёлтым, суббота – прозрачным, а воскресенье – любимым, но только одного оттенка за раз. Сегодня была среда, медный день, и Алиса с ужасом посмотрела на своё новое платье цвета утреннего тумана – серо-голубое, совершенно немедное. «Не волнуйся, – успокоил Астор. – Для чужаков в первые семь дней действует амнистия. Небо ещё не знает тебя в лицо. Но с восьмого дня – держись. Однажды я надел в среду красное – и три дня видел всё в зеркальном отражении. Левая рука стала правой, я наступил на собственную тень и целый час извинялся перед ней. Унизительно».

Они шли по улице, и Алиса заметила, что местные жите-

ли, встретившись, не обменивались словами и не касались щёк, как в первый день. Вместо этого они делали странное движение: каждый доставал из кармана маленький предмет – камешек, перо, пуговицу – и клал его на ладонь другому. Тот смотрел на предмет, кивал и возвращал обратно. «Это традиция “видеть насквозь”, – пояснил Астор. – Предмет на ладони – это не подарок. Это вопрос: “Видишь ли ты, что я чувствую?” Второй человек смотрит на предмет, и если он действительно видит, предмет на секунду становится прозрачным. Если нет – остаётся обычным. Так здесь проверяют, насколько ты внимателен к ближнему. Если три раза подряд твой предмет не становится прозрачным, ты обязан пойти к лекарю – значит, у тебя что-то болит внутри, и ты сам этого не замечаешь». Астор протянул Алисе свою ладонь – на ней лежал маленький ключ. Она посмотрела на ключ и вдруг поняла, что это не просто ключ, а ключ от той самой клетки с огнём, которую он носил на поясе. Клетка была пуста, огонь куда-то исчез. Ключ на ладони стал прозрачным, и Алиса увидела сквозь него собственную кожу – вены, кости, что-то ещё, пульсирующее в глубине. «Ты видишь, – удивился Астор. – Даже я не всегда вижу. Ты – особенная». Он убрал ключ и больше не заговаривал об этом.

Самое шумное место города оказалось не рынком и не таверной, а площадью Прощения. Здесь каждый вечер собирались люди и вслух просили прощения у того, кого обидели,

но не могли найти. Традиция требовала, чтобы имя обидчика или обиженного называлось шёпотом в кувшин, а потом кувшин разбивался о стену. Осколки собирали и носили в кармане семь дней – за это время они должны были либо срастись обратно, либо рассыпаться в пыль. Если срастались – прощение принято. Если нет – обида была слишком сильной, и нужно было искать другого способа. Алиса увидела, как мужчина разбил кувшин и осколки не срослись, а, наоборот, разлетелись ещё мельче. Он заплакал и ушёл, а Астор сказал: «Это он просил прощения у отца. Отец умер тридцать лет назад. Но обида оказалась сильнее смерти. Такое бывает. Тогда нужно не просить прощения, а простить себя. Но для этой традиции нужен другой кувшин – чёрный. Их продают только в одном месте, и туда страшно ходить». Алиса не стала спрашивать, куда именно.

Потом была традиция общего чаепития. В каждом дворе, в каждой лавке, в каждом доме в шесть вечера накрывали стол на одного лишнего гостя. Не для конкретного человека – для любого, кто войдёт. Алиса зашла в первый попавшийся двор, и её уже ждала чашка с чаем – тёплым, пахнущим мятой и ещё чем-то неуловимым, похожим на воспоминание о бабушкиных пирогах. Хозяева не спрашивали, кто она и откуда, не предлагали угощений – просто молча пили свой чай, и Алиса пила свой, и в этой тишине было столько принятия, что у неё защипало в носу. Когда чашка опустела, хозяйка –

женщина с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта – кивнула ей и сказала: «Ты можешь остаться здесь на ночь. Или можешь уйти. Или можешь остаться навсегда. Всё, что выпьешь из этой чашки, уже принадлежит тебе. Даже если уйдёшь». Алиса поблагодарила, но ушла. И потом всю дорогу чувствовала во рту привкус мяты, который не исчезал, даже когда она зажимала нос.

Последняя традиция этого вечера оказалась самой странной. На закате, ровно в тот момент, когда солнце касается горизонта, все жители Эрры замирают на одну минуту и не дышат. Они не дышат специально, чтобы мир мог выдохнуть. «Представь, – сказал Астор, – что мир – это живое существо. Он тоже устаёт. Мы берём его дыхание на себя на минуту, чтобы он отдохнул. Если кто-то в эту минуту вдохнёт – мир вдохнёт дважды, и это может вызвать землетрясение. Небольшое, но неприятное». Алиса стояла на площади Прощения вместе со всеми, когда солнце коснулось горизонта, и замерла. Не дышать минуту было трудно, но она справилась. И в тишине, в полной тишине без единого вздоха, она вдруг услышала, как мир выдыхает – глубоко, шумно, с присвистом, как старый дедушка, который наконец сел в любимое кресло. И в этом выдохе были все голоса, все звуки, вся музыка, которую она когда-либо слышала и ещё услышит. Когда минута прошла, все вдохнули одновременно, и Алисе показалось, что она вдохнула не воздух, а само время – гу-

стое, тёплое, с привкусом медного заката.

Астор взял её за руку. «Ты справилась со всеми традициями первого дня, – сказал он. – Это хороший знак. Многие чужаки на первой же минуте задержки дыхания падают в обморок. А ты стоишь. Значит, у тебя внутри есть что-то эррианское. Возможно, в прошлой жизни ты уже была здесь. Или в будущей. Время в Эрре – это не линия. Это круг. Ты просто вернулась туда, где уже была. Только забыла об этом». Алиса хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот момент кулон-обещание на её шее нагрелся и тихо, одними вибрациями, прошептал: «Не спрашивай. Ответ придет сам, когда перестанешь искать». Она замолчала, и они пошли дальше – в ночь, которая в Эрре была не тёмной, а густо-синей, как чернила, и в ней, как в чернилах, можно было разглядеть тайные знаки, если знать, куда смотреть. Алиса не знала, но смотрела. И ей казалось, что звёзды на этом небе складываются в буквы, а буквы – в слова, которые она пока не умела читать. Но когда-нибудь научится. Обязательно.

Площадь Прощения опустела, и наступил тот час, который в Эрре называли «между нот». Солнце уже село, но звёзды ещё не зажглись, и в этом сером, зыбком свете Астор вдруг остановился и приложил палец к губам. «Слушай, – сказал он одними губами. – Сейчас начнётся самое главное». Алиса замерла, вслушиваясь, и сначала не слышала ничего

– только тихий шорох собственной крови в ушах. Но потом, из-под земли, из-под облачной мостовой, из воздуха, из всего сразу, родился звук. Это была музыка, но не похожая ни на что, что она слышала в своём мире. Она не имела ни начала, ни конца, ни мелодии в привычном смысле – это был скорее пульс, глубокий, низкий, идущий из самого центра земли. Каждая вибрация проходила сквозь тело Алисы, и там, где она проходила, оставляла после себя тепло, лёгкость и странную, почти болезненную ясность.

«Это бас Эрры, – прошептал Астор. – Он звучит всегда, просто люди обычно его не слышат, потому что слишком заняты собой. Но в час «между нот» он становится громче. Это музыка, которая даёт силу миру. Если её остановить – всё рухнет. Но её невозможно остановить, потому что она не играет на инструментах. Она играет на самих жителях». Алиса посмотрела на прохожих – они шли по улицам, и каждый двигался в ритме этого баса. Шаг, вздох, поворот головы – всё было синхронизировано с тем, что шло из-под земли. Одна девушка заплетала косу, и её пальцы двигались в такт музыке, словно танцевали. Старик чистил яблоко, и нож в его руке описывал круги, идеально совпадающие с пульсацией мира. Алиса поняла, что её собственное сердце тоже бьётся в унисон – она не замечала этого раньше, но сейчас, когда прислушалась, почувствовала, как каждый удар отзывается где-то далеко, под ногами, словно земля отвечает ей.

Но это был только фон. Настоящая музыка, которая даёт энергию, началась, когда на площадь вышли музыканты. Их было пятеро – трое мужчин и две женщины, одетые в лохмотья, которые при каждом движении рассыпались на сотню искр. Инструменты у них были странными: один играл на трубе, сделанной из застывшего солнечного света, другой – на барабанах, обтянутом кожей, которая, как уверял Астор, принадлежала существу, умершему от смеха. Третья – женщина с седыми волосами до пят – играла на струнах, натянутых между двумя живыми деревьями, которые росли прямо посреди площади, и деревья подпевали, шелестя листвой на неизвестном языке. Но самым удивительным был пятый музыкант – мальчик лет двенадцати, у которого не было инструмента. Он просто стоял и молчал. Но когда остальные начинали играть, он открывал рот, и из него вылетала тишина. Не отсутствие звука, а именно тишина как самостоятельная нота, такая же полновесная и важная, как бас Эрры.

Астор объяснил: «В Эрре считается, что настоящая музыка – это не то, что ты слышишь, а то, что ты не слышишь. Паузы между нотами важнее самих нот. Мальчик – хранитель пауз. Без него музыка была бы просто шумом. А с ним – она становится дыханием. Слушай внимательно. Сейчас ты почувствуешь, как усталость уходит».

Алиса закрыла глаза, и музыка вошла в неё. Сначала она почувствовала ноги – они вдруг стали лёгкими, как будто из костей вынули свинец. Потом живот – там, где минуту назад была тяжесть после клубники в шоколаде, теперь разливалось тепло, похожее на глоток хорошего чая. Потом грудь – она расправилась сама собой, без всякого усилия, и Алиса вдохнула так глубоко, как не дышала никогда в жизни, даже в детстве, когда бегала по лужам и не знала, что такое астма. Руки налились силой – не грубой, мускульной, а какой-то другой, тонкой, похожей на способность чувствовать кончиками пальцев то, что находится за стеной. Она подняла руку и коснулась воздуха – и воздух отозвался, зазвенев, как хрустальный бокал.

Музыка менялась каждую минуту. Один момент она была медленной и тягучей, как патока, и Алиса чувствовала, как каждая клетка её тела напитывается этой сладостью, превращая усталость в терпение. В следующий момент ритм ускорился, становился дробным, почти агрессивным, и тогда хотелось бежать, прыгать, кричать, смеяться, делать что угодно, только не стоять на месте. Но мальчик-тишина вовремя вставлял свои паузы, и энергия не выплёскивалась наружу, а оставалась внутри, перераспределялась, превращалась в нечто долговременное – не в короткую вспышку бодрости, а в ровное, устойчивое горение, которое могло длиться часами.

Алиса открыла глаза и увидела, что люди на площади не танцуют – они просто стоят, сидят, лежат на облачной мостовой, но все их тела двигались в ритме музыки, даже в покое. У одной женщины волосы шевелились в такт барабану, хотя ветра не было. У мужчины, который читал книгу, веки опускались и поднимались синхронно со струнами. Ребёнок, спавший на руках у матери, улыбался во сне в такт паузам мальчика. «Это и есть главная магия, – сказал Астор. – Не заклинания и не порталы. А способность музыки делать так, чтобы ты переставал быть отдельным. Ты становишься частью ритма. А ритм – частью тебя. Никакой кофе, никакого допинга в твоём мире не даст такого заряда. Потому что кофе бодрит тело, а эта музыка бодрит душу. Разница как между фонариком и солнцем».

Он достал из кармана маленькую ракушку и протянул Алисе. «Держи. Если когда-нибудь почувствуешь, что силы на исходе – приложи к уху. Внутри записана сегодняшняя музыка. Но осторожно: она работает только один раз. Потом ракушка становится просто ракушкой. Поэтому не слушай её просто так, от скуки. Только когда действительно нужно». Алиса спрятала ракушку в карман платья, рядом с пустым флаконом, и почувствовала, как от неё исходит лёгкое тепло – музыка продолжала звучать внутри, даже когда на площади стало тихо.

Музыканты закончили играть. Мальчик-тишина закрыл рот, и последняя пауза повисла в воздухе, как мыльный пузырь, а потом лопнула, разбрызгав вокруг капли абсолютной тишины. Люди на площади вздохнули одновременно – не по традиции, а потому, что музыка отпустила их, вернула им самих, но обновлённых, более лёгких, более ясных. Алиса посмотрела на свои руки – они слегка светились, как и локти, но свечение было другим, более живым, пульсирующим в такт её сердцу, которое теперь билось ровно и сильно, как у человека, который выпался после долгой дороги.

«Пойдём, – сказал Астор. – Ты готова к тому, что будет дальше. А будет ночь. В Эрре ночь – это не время для сна. Это время для тех дел, которые днём делать нельзя. Но об этом завтра. Сейчас тебе нужно просто идти и слушать. Музыка осталась в тебе. Она будет вести тебя, даже если ты не будешь её слышать. Доверься ей». Алиса кивнула, и они пошли в ночь, которая уже перестала быть синей и стала чёрной, но в этой черноте, если приглядеться, можно было увидеть те же ноты, что играли на площади – только рассыпанные по небу вместо звёзд. Каждая нота мерцала и ждала своего слушателя. Алиса поймала себя на том, что идёт в ритме, который никто не задавал, но который она чувствовала каждой клеткой. И это был самый большой заряд энергии, который она получала в своей жизни. Даже не заряд – а ско-

рее напоминание о том, что энергия никогда не уходит. Она просто засыпает внутри, пока её не разбудит правильная музыка.

Ночь в Эрре была не просто временем суток – она была живым существом, которое дышало иначе, чем день. Воздух стал гуще, как кисель, и в нём плавали крошечные светящиеся точки – не светлячки, а остывшие ноты, которые не успели долететь до слушателей. Алиса шла за Астором, и её новые сандалии из речной пены бесшумно ступали по облачной мостовой, которая к ночи затвердела и стала похожа на молочный лёд. Они свернули в переулок, где вместо фонарей горели воспоминания – старые, пожелтевшие, они висели в воздухе, как лампочки накаливания, и освещали путь тусклым, но уютным светом.

Астор остановился перед зданием, которое Алиса сначала приняла за руины. Стены были сложены из чёрного камня, покрытого трещинами, но из каждой трещины росла живая трава, а трава светилась изнутри, словно в ней текла не вода, а расплавленное серебро. Дверь отсутствовала – вместо неё висела завеса из дождя, который падал снизу вверх. «Это клуб “Тихий час”, – сказал Астор. – Здесь собираются те, кто не спит по ночам не потому, что не может, а потому что не хочет. И сегодня здесь ты встретишь кое-кого. Не бойся, он не кусается. По крайней мере, без предупреждения».

Он раздвинул дождь руками, как штору, и пропустил Алису внутрь. Внутри клуб оказался огромным залом без потолка – вместо него было звёздное небо, но звёзды здесь были не настоящими, а нарисованными чьей-то очень талантливой рукой, и они двигались, как живые. В центре зала стоял длинный стол, за которым сидели люди, но не все из них были людьми. Алиса увидела существо с головой совы и телом статуи, женщину, которая состояла из одного только смеха – она звенела, когда двигалась, и старуху с глазами-часами, где стрелки показывали разное время на каждом глазу. Но в самом конце стола, в кресле, которое больше походило на трон, вырезанный из цельного куска ночи, сидел он.

Рыцарь.

Алиса никогда не видела настоящих рыцарей, даже в фильмах, но она сразу поняла, что перед ней именно он. Не потому что на нём были доспехи – их не было. На нём была простая чёрная рубаха и штаны из грубой кожи, и только на поясе висел меч в ножнах, таких старых, что кожа на них проросла мхом. Но в том, как он сидел – прямая спина, чуть опущенные плечи, голова, повёрнутая так, будто он всегда ждёт удара с любой стороны – было что-то, что выдавало в нём воина. Его лицо было молодым, но глаза – старыми, очень старыми, как те камни, из которых строили первые го-

рода. Светлые волосы были стянуты в низкий хвост, на щеке белел шрам в виде полумесяца, а на пальцах не было ни одного кольца – только мозоли, грубые, жёсткие мозоли, которые говорили о том, что он держал меч дольше, чем спал.

«Астор, – сказал рыцарь голосом, похожим на скрежет меча о точильный камень. – Ты привёл чужую. В “Тихий час” чужим не место». Астор не ответил, просто подтолкнул Алису вперёд. Она сделала шаг, и рыцарь посмотрел на неё. В его взгляде не было ни злобы, ни любопытства – было только удивление. Слабое, едва заметное, но Алиса его почувствовала. «Садись, – сказал он после долгой паузы. – Раз пришла. Только не прикасайся к моему мечу. Он не любит, когда к нему прикасаются без спроса. В прошлый раз цапнул одного парня за палец. Палец пришлось отрубить, чтобы меч успокоился». Алиса села на скамью напротив, стараясь держаться подальше от оружия.

Его звали Эдгар. Он был последним рыцарем Эрры – не потому что остальные умерли, а потому что они перестали быть рыцарями, когда мир изменился. «Раньше в Эрре были войны, – рассказывал он, вертя в руках кружку с чёрной жидкостью, пахнувшей дымом и смолой. – Не такие, как в твоём мире, где люди убивают за землю или деньги. У нас воевали за право грустить. Понимаешь? Были две армии: одни считали, что грустить нужно в одиночестве, другие – что вме-

сте. Война длилась сто лет. Мы, рыцари, защищали тех, кто выбирал одиночество. Проиграли. Теперь все грустят вместе по вторникам и пятницам. А я остался без работы. Но меч не выбрасывать же». Он усмехнулся, и в усмешке его было столько горечи, что Алисе захотелось отвернуться.

Но Эдгар был не просто воином. В Эрре рыцари выполняли другую функцию – они были хранителями забытых обещаний. Когда кто-то давал клятву, а потом забывал о ней, клятва не исчезала. Она становилась маленьким колючим комком и ждала своего часа. Рыцари собирали эти забытые обещания по всему миру и хранили их в специальных сундуках. «У меня три тысячи семьсот два обещания в подвале, – сказал Эдгар, кивая на люк в полу. – Они стонут по ночам. Особенно громко – обещание жениться, данное на утесе при луне. Бедняжка до сих пор верит, что её возлюбленный вернётся. А он уже тридцать лет как превратился в дерево. Стоит на том самом утёсе, корни пустил. А обещание всё ждёт. Я его каждый вечер кормлю каплей надежды, чтобы не засохло. Это моя работа. Жалованье – одно сожаление в месяц. Негусто, но хватает, чтобы не умереть с голоду».

Астор тем временем заказал что-то у официанта – существа, состоящего из одного только эха. Эхо принесло две кружки и поставило перед ними. В кружках была не вода и не вино – там была тьма. Густая, тягучая, она переливалась

в свете звёзд, как чёрный мёд. «Пей, – сказал Астор. – Это ночь. В прямом смысле. В “Тихом часе” подают ночь. Она успокаивает и даёт силы видеть то, что днём не видно». Алиса сделала глоток – ночь оказалась прохладной, с привкусом бергамота и ещё чего-то далёкого, похожего на запах степи после дождя. Она почувствовала, как её глаза привыкают к темноте, и вдруг увидела то, чего не замечала раньше: на стенах клуба были нацарапаны тысячи имён. «Это те, кто был здесь и больше не вернётся, – пояснил Эдгар. – Мы царапаем имена, чтобы помнить. Память – это единственное, что делает ночь не страшной. Забудешь – и ночь сожрёт тебя. Не физически, а морально. Будешь бродить и не знать, кто ты. Я видел таких. Они становятся прозрачными. Их можно подвесить на верёвку и сушить, как бельё. Печальное зрелище».

Рыцарь вдруг встал, подошёл к Алисе и присел на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне. «Ты из другого мира, – сказал он, и это был не вопрос. – Я вижу по твоим зрачкам. У наших зрачки квадратные, потому что мы привыкли смотреть на углы. У тебя круглые. Как у кошки, которая не знает, что такое дом. Скажи, ты боишься?» Алиса честно ответила: «Немного. Но не вас. Я боюсь не найти дорогу обратно». Эдгар усмехнулся, и шрам на его щеке изогнулся. «Обратно – это скучно, – сказал он. – Ты пришла сюда не за этим. Ты пришла за тем, чтобы узнать, что такое настоящее мужество. В твоём мире мужество – это не бояться.

В нашем – это бояться, но идти вперёд. Разница есть. И она огромна».

Он выпрямился, положил руку на эфес меча, и Алиса заметила, что ножны на поясе начали светиться тусклым зелёным светом. «Меч волнуется, – сказал Эдгар. – Он чувствует в тебе что-то знакомое. Ты была здесь раньше. Не в этой жизни. В другой. Ты сражалась на нашей стороне. В войне за право грустить в одиночестве. Ты была лучником. Помнишь?» Алиса покачала головой, но где-то глубоко в груди что-то ёкнуло – не воспоминание, а его тень, отголосок чего-то, что не могло случиться с ней, но всё же случилось. «Не важно, – сказал Эдгар. – Память вернётся, когда понадобится. А пока... – он отстегнул от пояса маленький кинжал в простых кожаных ножнах и протянул ей. – Возьми. Это не оружие. Это пропуск. Если когда-нибудь встретишь человека, который забудет своё обещание, кинь этот кинжал ему под ноги. Он вспомнит. Это всё, что я могу для тебя сделать. Остальное – сама».

Алиса взяла кинжал. Он был тёплым, как живой, и на лезвии была выгравирована надпись на языке, которого она не знала, но почему-то могла прочитать: «Тот, кто помнит – жив. Тот, кто забыл – уже умер, просто ещё не знает об этом». Она спрятала кинжал в карман, рядом с ракушкой и пустым флаконом, и почувствовала, как все три предмета за-

звучали в унисон – тихо, едва слышно, но это была музыка, похожая на ту, что играли на площади, только тише и интимнее. «Они тебя приняли, – сказал Эдгар с уважением в голосе. – Мои поздравления. Ты теперь не чужая. Ты – та, кто носит три голоса. Это звание. Не спрашивай, какое. Сама поймёшь, когда придёт время».

Астор допил свою ночь и встал. «Нам пора, – сказал он. – У Алисы завтра важный день. Она будет учиться летать. Не на метле, не на крыльях – по-нашему, по-эрриански. Для этого нужно выспаться». Эдгар кивнул, пожал Алисе руку – его ладонь была шершавой, как наждак, и в центре горела маленькая мозоль в форме звезды. «Возвращайся, – сказал он. – Когда научишься летать, покажешь мне. Я разучился. Слишком долго стоял на земле. А меч тянет вниз. Но посмотреть на тебя в небе – было бы приятно». Алиса пообещала, что вернётся, и они с Астором вышли из клуба, раздвинув дождь, который всё так же падал снизу вверх. На улице ночь стала ещё гуще, но Алиса больше не боялась темноты. В кармане у неё лежал кинжал, который помнил её прошлую жизнь, и эта мысль была странно успокаивающей. Она шла и улыбалась, представляя, как завтра будет учиться летать. И ей казалось, что за спиной у неё уже вырастают крылья – невидимые, но такие настоящие, что она почти чувствовала, как ветер касается их кончиков.

Глава четвёртая

Алиса проснулась от того, что её кровать парила в трёх сантиметрах над полом. Это была не магия и не сон – просто дом, в котором она провела ночь, был построен из благодарности, а благодарность, как известно, имеет свойство поднимать всё, что к ней прикасается. Она села, кровать мягко опустилась, и в окно ворвался утренний свет – не жёлтый и не белый, а прозрачно-зелёный, как вода в горном озере. Астора рядом не было, но на столике у кровати лежала записка, написанная на листе, который сам себя складывал в конверт каждые три секунды. Алиса поймала лист и прочитала: «Жду на крыше. Сегодня ты научишься падать. Это важнее, чем летать. Приходи в том, в чём спала. И не завтракай. Пустой желудок легче взлетает».

Крыша дома оказалась плоской, как стол, и выложена из солнечных зайчиков – они дрожали под ногами, но не обжигали, а мягко щекотали ступни. Астор стоял на краю, спиной к пропасти, и жевал веточку мяты. Рядом с ним никого не было, но Алиса почему-то чувствовала присутствие ещё кого-то – невидимого, но очень терпеливого. «Ты готова? – спросил Астор, не оборачиваясь. – Сегодня будет страшно. Не потому, что опасно. А потому, что придётся поверить в то, чего ты не видишь. В моём мире это называется “прыжок веры”. В твоём – наверное, “глупость”. Но ты уже достаточно

долго здесь, чтобы знать: глупость и мудрость – это одно и то же, просто с разных сторон».

Он отступил в сторону, и Алиса увидела, что под крышей нет земли. Вообще ничего. Дом, на котором они стояли, висел в воздухе, и внизу, насколько хватало глаз, простиралась пустота – не чёрная и не белая, а абсолютно прозрачная, как стекло, которого нет. Где-то далеко в этой пустоте мерцали огни – может быть, города, может быть, звёзды, может быть, чужие сны. Астор подошёл к самому краю, поставил ногу на пустоту, и пустота удержала его. «Видишь? – сказал он. – Здесь нет гравитации в твоём понимании. Есть только доверие. Если ты веришь, что не упадёшь – не упадёшь. Если сомневаешься – полетишь вниз. Но вниз нет. Это парадокс. Ты будешь падать вечно, если не вспомнишь, что падать некуда. Именно это чувство – отсутствие дна – и есть прыжок веры».

Алиса подошла к краю. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, а сандалии из речной пены, которые она так и не сняла, вдруг стали тяжёлыми, как свинец. «Я не могу, – прошептала она. – Я боюсь высоты. И пустоты. И того, что будет, если я ошибусь». Астор обернулся, и его лицо впервые за всё время стало серьёзным, без тени усмешки. «Ты не ошибаешься. Ты просто идёшь. Вера – это не знание. Это действие, несмотря на незнание. В твоём мире лю-

ди ждут доказательств. У нас доказательство приходит после прыжка, а не до. Это единственное, что отличает Эрру от Земли. У вас сначала свет, потом шаг. У нас – шаг, а свет загорается под ногой в тот самый момент, когда ты уже ступил».

Он протянул руку. Алиса смотрела на его ладонь, и в голове у неё проносились тысячи мыслей: о маме, о школе, о том, что она не сказала подруге в прошлую пятницу, о том, что у неё в рюкзаке остался недоеденный бутерброд, который теперь, наверное, засох. Все эти мысли были якорями, которые держали её на крыше. Астор ждал. Тогда Алиса сделала то, чему научилась в Эрре за эти дни – она закрыла глаза и перестала думать. Просто перестала. И сделала шаг.

Пустота под её ногой оказалась упругой, как батут. Она не провалилась, а повисла, и в тот же миг под подошвой загорелся зелёный свет – не фонарик, а именно то доказательство, о котором говорил Астор. Свет рос, ширился, и через секунду Алиса стояла на прозрачной платформе, которая светилась изнутри, как огромный светлячок. Она открыла глаза и увидела, что под ней уже не пустота, а нечто вроде пола – зыбкого, полупрозрачного, но вполне реально-го. «Поздравляю, – сказал Астор, стоящий рядом на такой же платформе. – Ты сделала первый шаг. Теперь второй. Он сложнее. Потому что сейчас тебе придётся поверить, что ты

можешь идти туда, где нет ничего. Даже света».

Он пошёл вперёд, и платформа под его ногами возникала за мгновение до того, как ступня касалась пустоты. Алиса пошла за ним, и с каждым шагом страх уходил, сменяясь странным, почти забытым ощущением – будто она так ходила всегда, просто разучилась. Ветер трепал её волосы, но он был не холодным, а ласковым, как дыхание спящего ребёнка. Внизу, далеко-далеко, она увидела себя – не ту, которая шла сейчас, а другую, маленькую девочку в жёлтом платье, которая боялась прыгнуть с качелей. Девочка смотрела вверх и улыбалась. «Это твоя прошлая вера, – сказал Астор. – Та, которую ты потеряла, когда выросла. Она всё ещё там, ждёт, когда ты вспомнишь, что умеешь летать не телом, а душой. Прыжок веры – это не про ноги. Это про готовность быть смешной, глупой, неправильной в глазах тех, кто стоит на крыше и боится шагнуть».

Они шли долго. Или не долго – время в пустоте текло иначе, оно растягивалось, как карамель, и каждую секунду можно было прожить как целую жизнь. Алиса заметила, что вокруг неё начали появляться другие люди – они тоже шли по невидимым мостам, каждый в свою сторону, но все с одинаковым выражением лица: сосредоточенным, испуганным и счастливым одновременно. Одна женщина шла с закрытыми глазами и плакала, но плакала от радости. Мужчина с седой

бородой шёл задом наперёд, потому что, как объяснил Астор, он верил только в то, что уже прошло. Ребёнок – девочка лет пяти – бежала вприпрыжку, и под каждой её пяткой вспыхивал радужный круг. «Она ещё не разучилась, – сказал Астор. – Мы все рождаемся с этой способностью. А потом нам говорят: “Не бегай, упадёшь”, “Не прыгай, разобьёшься”, “Смотри под ноги”. И мы смотрим. И перестаём верить. И падаем. Но не потому, что вера кончилась. А потому, что мы начали смотреть вниз».

Алиса посмотрела вниз и тут же пошатнулась – под ногами снова была пустота, бездонная, холодная. Она чуть не упала, но Астор схватил её за руку. «Не смотри, – сказал он резко. – Смотреть вниз – это привычка твоего мира. Здесь нет верха и низа. Есть только направление, которое ты выбираешь. Выбери то, что тебе нравится. И смотри только туда». Алиса подняла голову и посмотрела вперёд. Там, вдалеке, она увидела гору – не настоящую, а сотканную из света, и на вершине горы стоял человек. Она не узнала его, но почему-то знала, что это тот, кого она ищет всю жизнь, даже не зная об этом. «Иди к нему, – сказал Астор, отпуская её руку. – Я не могу пойти с тобой. Дальше каждый идёт один. Это и есть прыжок веры – не шаг с крыши, а умение идти к тому, чего ты не видишь, но чувствуешь всем нутром. Остальное – просто ходьба».

Астор исчез. Растворился в воздухе, оставив после себя запах мяты и сожаления о чём-то, что он не успел сказать. Алиса осталась одна посреди пустоты, на платформе, которая мерцала всё слабее. Она сделала шаг – платформа под ногой засветилась снова. Второй – свет стал чуть ярче. Третий – и она уже бежала, не глядя под ноги, не думая о том, что внизу ничего нет, не боясь, что упадёт. Она бежала к горе, к человеку на вершине, к той версии себя, которая никогда не сомневалась в том, что может летать. Ветер свистел в ушах, слёзы текли по щекам, но это были слёзы не страха, а освобождения – от всех «нельзя», «опасно» и «ты с ума сошла», которые она носила в себе годами.

Гора приближалась. Алиса видела уже не только человека на вершине, но и его лицо. Это был старик с добрыми, очень усталыми глазами, одетый в лохмотья, которые когда-то были роскошной мантией. Он улыбнулся и протянул к ней руки, как к внучке, которая пришла на каникулы. «Ты пришла, – сказал он, когда она остановилась в двух шагах от него. – А я уже не надеялся. Знаешь, сколько лет я стою здесь и жду? Три тысячи семьсот два прыжка веры. Каждый день кто-то идёт ко мне, но доходит только каждый сотый. Остальные сворачивают. Или падают. Не потому, что не могут – потому что не хотят по-настоящему. А ты захотела. Спасибо тебе».

Алиса хотела спросить, кто он, но старик приложил палец

к губам. «Не надо имён. Имена привязывают к земле. А мы сейчас в небе. Я – это просто тот, кто помнит. Всё. Всех. Каждого, кто когда-либо делал прыжок веры. Твоё имя я запомнил первым, ещё до того, как ты родилась. Потому что ты обещала прийти. В прошлой жизни. Когда была лучником. Помнишь?» Алиса покачала головой, но старик не расстроился. «Не важно. Важно то, что ты здесь. А теперь слушай. Я должен передать тебе то, что передают всем, кто доходит. Ты готова?» Она кивнула, хотя не знала, к чему готовиться.

Старик взял её за руки, и его ладони были холодными, как лёд, но в этом холоде чувствовалось тепло – странный, почти невозможный парадокс. «Вера, – сказал он, – это не уверенность. Это способность жить с вопросом. Не знать ответа, но идти. Не видеть света, но шагать в темноту. Ты только что сделала это. Теперь ты будешь делать это всегда. Каждый день. Не потому, что ты герой. А потому, что ты живая. Жизнь – это и есть прыжок веры. Ты не знаешь, что будет завтра. Но ты всё равно просыпаешься. Вот это и есть вера. Всё остальное – просто слова».

Он отпустил её руки, и Алиса вдруг почувствовала, что земля под ногами исчезла. Совсем. Она падала, но не вниз, а куда-то вбок, в сторону, вверх, во все стороны сразу. И в этом падении не было страха – было только удивление, что падать может быть так же приятно, как лететь. Старик мах-

нул ей рукой на прощание и крикнул: «Не бойся забыть! Забвение – это тоже вера! Вера в то, что помнить не обязательно!» Алиса падала и смеялась, потому что наконец-то поняла то, что не могла понять все эти дни: в Эрре не было правил. Были только выборы. И самый главный выбор – верить или не верить в то, что ты можешь. Она поверила. И мир вокруг неё сложился заново – из пустоты, из света, из её собственного дыхания. Когда она открыла глаза, то лежала на мягкой траве, а сверху на неё смотрело небо – обычное, земное, с облаками, похожими на вату. Или нет. Или эррианское. Алиса уже не различала. И, честно говоря, не хотела различать. Потому что поняла главное: оба мира – и тот, и этот – существуют только до тех пор, пока в них верят. А она верила. В оба. И в прыжок. И в себя.

Алиса лежала на траве, пытаясь отдышаться после падения, которое оказалось полётом, и вдруг поняла, что земля под её спиной тёплая и пульсирует, как живая. Она прижалась щекой к траве и услышала тихий, едва различимый шёпот – не один голос, а тысячи, переплетённых в один канат, который уходил глубоко вниз, в самое сердце Эрры. «Это земля молится, – раздался голос Астора откуда-то сверху. Он сидел на ветке дерева, которого минуту назад здесь не было, и жевал всё ту же веточку мяты. – У нас всё молится. Камни, деревья, облака. Даже твои сандалии, хотя они теперь без магии, потому что ты их испортила. Но они всё равно шеп-

чут. Просто очень тихо. Не обижай их».

Алиса села и огляделась. Они были в месте, которого она раньше не видела, – огромная круглая поляна, окружённая деревьями, стволы которых светились изнутри, как неоновые трубки. В центре поляны стояло нечто, похожее на алтарь, но не каменный, а сотканный из паутины, на которой висели капли росы, и в каждой капле отражался чей-то глаз. Астор спрыгнул с ветки, подошёл к Алисе и помог ей встать. «Ты хотела узнать, как здесь устроена вера? – спросил он. – В твоём мире люди молятся богам, которых никогда не видели. У нас богов много, и они не прячутся. Но проблема в другом: они не слушают. Вообще. Никогда. Поэтому наша молитва – это не просьба. Это разговор с самим собой, но вслух, чтобы боги слышали, как ты справляешься без них. Это единственное, что им интересно. Не твои нужды. А твоя способность жить, когда они молчат».

Алиса подошла к паутинному алтарю. Капли росы задрожали, и в каждой она увидела своё отражение – но не одно, а много: Алиса, которая плачет, Алиса, которая смеётся, Алиса, которая спит, Алиса, которая умирает, Алиса, которая только что родилась и кричит голосом, непохожим на человеческий. «Это боги, – сказал Астор, кивая на капли. – Каждый из них – это одна из твоих возможных жизней. Они смотрят на тебя и ждут. Не молитвы. Не жертвы. А просто

– чтобы ты выбрала. Потому что боги Эрры – это не существа. Это выборы. Каждый выбор, который ты делаешь, становится богом. И потом требует поклонения. Но ты не обязана кланяться. Ты можешь просто сказать “спасибо” и пойти дальше. Этого достаточно».

Он показал, как молиться по-эрриански. Нужно было встать на колени – не перед алтарём, а перед самим собой. Закрыть глаза и представить своё сердце. Увидеть его таким, какое оно есть: со шрамами, трещинами, заплатками, которые поставило время. А потом сказать вслух одно-единственное слово. Не «помоги» и не «спаси». А «есть». Просто «есть». Потому что главная молитва – это не просьба о чуде, а признание того, что ты существуешь. Со всеми своими страхами, ошибками, надеждами, которые выглядят глупо, когда их произносишь вслух. «Попробуй, – сказал Астор. – Боги не обидятся, если у тебя не получится. Они сами не всегда умеют молиться. Иногда я слышу, как они плачут по ночам. Но никто не приходит их утешить. Потому что кому молиться богам? Только другим богам. А те заняты. Вечно заняты собой».

Алиса опустилась на колени. Трава под ней оказалась мягкой, как пух, и издавала запах, похожий на запах дома – не её дома на Земле, а дома, которого у неё никогда не было. Она закрыла глаза и представила своё сердце. Оно было по-

хоже на старый чемодан, обклеенный наклейками из разных городов, которые она никогда не посещала. Внутри что-то гремело, перекачивалось, стучало. Она открыла рот, чтобы сказать «есть», но вместо этого из неё вырвалось: «Я боюсь». И это была не молитва, а крик – тихий, почти беззвучный, но такой честный, что паутиный алтарь задрожал, и капли росы начали падать на землю, превращаясь в маленькие лужицы света.

Астор не вмешивался. Он отошёл в сторону и сел на траву, скрестив ноги, как йог, и закрыл глаза, чтобы не смущать её своим присутствием. Алиса осталась одна с богами, которые смотрели на неё из каждой капли, из каждой травинки, из каждого звука, который она слышала. И она поняла, что настоящая молитва – это не слова. Это состояние, когда ты перестаёшь притворяться. Когда ты говоришь не то, что нужно, а то, что есть. И боги, которые на самом деле не боги, а просто свидетели твоей жизни, кивают и запоминают. Не для того, чтобы потом наказать или наградить. А для того, чтобы однажды, когда ты совсем забудешь, кто ты, они могли прошептать тебе на ухо: «Ты – та, которая боялась. И это нормально».

Вдруг алтарь засветился. Паутина стала золотой, капли росы поднялись в воздух и закружились вокруг Алисы, как маленькие планеты. Она услышала голоса – не один, а много,

и все они говорили разные вещи, но сливались в одну мелодию, такую же, как та, что играла на площади в час «между нот». Голоса шептали: «Мы видели тебя. Ты не одна. Ты никогда не была одна. Даже когда плакала в подушку и думала, что никто не слышит. Мы слышали. Мы просто не могли ответить. Потому что боги не умеют говорить. Они умеют только слушать. И ждать. И верить в тебя, даже когда ты сама в себя не веришь».

Алиса заплакала. Слёзы текли по её щекам и падали на траву, и там, где они падали, вырастали маленькие цветы – необычные, с лепестками в форме сердец. Астор открыл глаза, посмотрел на цветы и тихо сказал: «Это хороший знак. Твои слёзы приняли. Значит, боги слышали не твои слова – они слышали твою тишину. Это самое редкое. Обычно люди молятся слишком громко. И боги устают от шума. А ты молилась тихо. Почти не дыша. Это правильно. Так молятся только те, кто действительно верит. Не в богов. В себя».

Она поднялась с колен, чувствуя лёгкость во всём теле, будто кто-то вынул из неё все камни, которые она носила годами. Паутинный алтарь медленно растворился в воздухе, оставив после себя только запах – смесь мёда, дождя и чего-то ещё, неуловимого, похожего на прощение. Астор подошёл к ней и положил руку на плечо. «Теперь ты знаешь, как молиться в Эрре, – сказал он. – Но есть ещё одна традиция.

После молитвы нужно поблагодарить не богов, а себя. Потому что ты – единственная, кто тебя не бросил. Никогда. Даже когда тебе казалось, что ты одна, ты была с собой. Это ли не чудо?»

Алиса повернулась к нему и сказала: «Спасибо». Не богам. Не миру. Ему. Астор улыбнулся – впервые искренне, без тени грусти, и в этой улыбке было столько тепла, что Алиса поняла: он тоже когда-то стоял на коленях перед паутинным алтарём и тоже плакал, и тоже вырастил цветы из своих слёз. Просто потом он их забыл. Или спрятал. Или продал за одно из своих сожалений. «Пойдём, – сказал он, отводя взгляд. – Ты сегодня сделала три важных дела: прыгнула с крыши, встретила с богом своих возможностей и научилась молиться. На сегодня достаточно. Завтра будем учиться умирать. Не по-настоящему. Просто так, для опыта. В Эрре это обязательный предмет. Как в твоём мире – математика. Только полезнее».

Они пошли прочь с поляны, и Алиса обернулась. Там, где был алтарь, теперь рос маленький дуб – из того самого места, куда упала её последняя слеза. Дуб светился изнутри, и в его листьях шевелился ветер, которого нигде больше не было. «Это твоё дерево, – сказал Астор, не оборачиваясь. – Оно будет расти, пока ты помнишь этот день. Когда забудешь – засохнет. Но ты не забудешь. Такие вещи не забываются.

Они просто прячутся глубоко внутри, чтобы однажды, когда ты больше всего нуждаешься в вере, напомнить тебе: ты уже молилась. И была услышана. Не богами. Собой. А это самое главное».

Они покинули поляну, и лес вокруг начал меняться. Деревья, которые ещё минуту назад светились изнутри неоновым светом, теперь стали обычными – берёзы, дубы, клёны, знакомые Алисе с детства. Но что-то было не так. Листья на них росли не вверх, а вниз, к земле, и каждый лист был исписан мелким, почти нечитаемым почерком. «Это лес Ответов, – сказал Астор, срывая один лист и протягивая Алисе. – Прочитай. Но осторожно. Листья не врут, но они говорят только о том, что уже случилось. О будущем – ни слова. Потому что будущее, как тебе уже объясняли, не любит, когда его подглядывают». Алиса посмотрела на лист и увидела там свою историю: «Алиса родилась в среду, в дождь. Её первый крик был похож на скрип несмазанной двери. Она боялась собак до пяти лет. В семнадцать поцеловала мальчика по имени Марк, и он пах корицей». Она покраснела и бросила лист на землю. Лист тут же превратился в бабочку и улетел.

Астор рассмеялся. «Не стесняйся. У каждого здесь есть своя история, записанная на листьях. Я, например, однажды прочитал, что в детстве ел землю из горшка с фикусом. Три дня не мог смотреть на фикусы. Но потом привык. В Эрре к

правде привыкаешь быстро. Иначе сойдёшь с ума». Он повёл её дальше, в самую чащу, где деревья росли так тесно, что сквозь их кроны не пробивался свет. Вместо света здесь были карты. Тысячи карт, развешанных на ветках, привязанных к стволам, плавающих в воздухе. Таро. Но не те, к которым привыкла Алиса – не «Влюблённые», не «Башня», не «Колесо Фортуны». Здесь были другие арканы, которых она никогда не видела: «Забывтое обещание», «Прыжок в пустоту», «Сожаление о несделанном шаге», «Тишина после ссоры».

«Это главная колода Эрры, – сказал Астор, снимая с ветки одну карту и показывая Алисе. – Называется “Таро Одного Мгновения”. Здесь каждая карта – не предсказание, а вопрос. Ты не вытягиваешь их, чтобы узнать будущее. Ты вытягиваешь их, чтобы понять, о чём тебе нужно подумать прямо сейчас. Смотри». Он перевернул карту. На ней был изображён человек, стоящий на краю обрыва, а внизу, вместо камней, лежали его собственные улыбки – все, которые он когда-то подарил и забыл. Карта называлась «Высота одиночества». Астор посмотрел на неё, вздохнул и повесил обратно. «Моя сегодняшняя карта, – сказал он. – Значит, мне нужно подумать о том, почему я боюсь быть счастливым в компании. Опять психотерапия по-эрриански. Без таблеток, зато с видом на лес».

Он объяснил Алисе правила. В этом лесу каждый мог взять ровно три карты. Не больше, не меньше. Первая карта отвечала на вопрос «Что я несу в себе?» – то есть, какое качество или травму ты тащишь за собой, даже не замечая этого. Вторая – «Что я оставил позади?» – то, от чего ты отказался, но что продолжает жить своей жизнью. Третья – «Что я ищу, даже когда сплю?» – самое сокровенное желание, которое ты не смеешь назвать вслух. «И не пытайся жульничать, – предупредил Астор. – Карты сами прыгают в руки. Если ты возьмёшь не свою – они укусят. Буквально. У некоторых карт есть зубы. Не спрашивай, зачем. Так захотел тот, кто их рисовал».

Алиса закрыла глаза и протянула руку. Первая карта прилипла к её ладони сама – лёгкая, почти невесомая, с изображением женщины, которая стоит перед зеркалом, но в зеркале отражается не она, а её мать. Карта называлась «Наследство без завещания». Алиса почувствовала, как что-то сжалось в груди – она действительно всегда боялась стать похожей на маму. Не потому что мама плохая, а потому что слишком хорошая, и эту планку невозможно взять. «Хорошая карта, – сказал Астор, заглядывая через плечо. – Означает, что ты уже начала отделяться. Если бы ты вытянула её год назад, там была бы не мать, а бабушка. Или кошка. Процесс идёт. Не останавливайся».

Вторая карта пришла с шорохом, как осенний лист. На ней был изображён закрытый сундук, из которого торчат детские руки – они машут, зовут, но сундук заперт на семь замков. «Ключи потеряны», – гласила подпись. Алиса вдруг вспомнила, как в пять лет она нарисовала картинку и спрятала её под ковром, потому что мама сказала, что это «не похоже на домик». Картинка так и осталась там, под ковром, в доме, где они больше не живут. Она оставила там не только рисунок, но и ту себя, которая не боялась рисовать «непохожее». «Это твой потерянный ключ, – сказал Астор. – Карта говорит, что ты его найдёшь. Но не здесь. В другом месте. В другом времени. Просто помни, что он существует. Это уже половина дела».

Третья карта долго не давалась. Алиса перебирала ветки, трогала листья, даже заглянула под корень дерева, но карта не появлялась. И вдруг она упала сверху, прямо на голову – маленькая, потрёпанная, с загнутыми краями. На ней была изображена дверь. Обычная деревянная дверь, без ручки, без замочной скважины, но с надписью: «Открывается только внутрь». Алиса не поняла. «Это карта “Возвращение”, – объяснил Астор. – Самая редкая. Означает, что ты ищешь не что-то новое, а то, что уже было. Но потеряла. Или не заметила. Или решила, что недостойна. Дверь без ручки открывается только тогда, когда ты перестаёшь искать способ войти и просто падаешь на неё спиной. Не спрашивай, как это

работает. Просто запомни: когда-нибудь ты упадёшь на спину, и дверь откроется. А за ней будет то, что ты ищешь всю жизнь. Возможно, это буду я. Или твоя мама. Или ты сама. Карты не уточняют, они только намёками».

Алиса сложила три карты в карман, рядом с ракушкой, флаконом и кинжалом. Теперь там было тесно – все четыре предмета перешёптывались друг с другом, обсуждая её, как старые тётки на лавочке. «Не обращай внимания, – сказал Астор. – Они просто знакомятся. Через пару дней привыкнут и замолчат. Или начнут ссориться. В любом случае, ты услышишь много интересного о себе. Например, ракушка уверена, что ты слишком много спишь. А кинжал считает, что тебе не хватает решимости. Но ты не слушай. Они всего лишь вещи. Даже в Эрре вещи остаются вещами, пусть и говорящими».

Они вышли из леса Ответов, и Алиса оглянулась. Деревья снова стали неоновыми, карты исчезли, только лёгкий ветер доносил оттуда шелест – будто кто-то перетасовывал колоду размером с целый мир. «А теперь, – сказал Астор, потирая руки, – самое интересное. Ты вытянула свои карты. Но в Эрре есть ещё одна традиция: ты должна показать их кому-то, кто прочитает их не как предсказание, а как вопрос. И этот кто-то – не я. Я слишком богат, чтобы быть объективным. Богатство портит чтение карт. У меня вместо интуиции – со-

жаления. А сожаления, знаешь, всегда говорят: “А вот если бы ты тогда поступил иначе...” Так жить нельзя. Поэтому твоим читателем будет тот, кого ты ещё не встречала. Но он уже ждёт. Вон там, под тем деревом, которое растёт корнями вверх».

Алиса посмотрела в указанном направлении и увидела фигуру, сидящую под перевёрнутым дубом. Фигура была закутана в плащ из звёздной пыли, и лица не было видно, только руки – очень старые, с длинными пальцами, унизированными кольцами из застывшего времени. «Иди, – сказал Астор. – Я подожду здесь. И не бойся. Он не кусается. В отличие от карт. Впрочем, и он может, если ты ему не понравишься. Но ты понравишься. Я в тебя верю. В конце концов, ты сделала прыжок веры. А это лучшая рекомендация в любом мире». Алиса глубоко вздохнула и пошла к перевёрнутому дубу, чувствуя, как карты в кармане зашевелились – то ли от страха, то ли от нетерпения. Ветер донёс запах старой бумаги и чего-то далёкого, похожего на предвкушение. Она знала: этот разговор изменит её. Может быть, навсегда. Или только до завтра. В Эрре никогда нельзя было сказать наверняка. И это, пожалуй, было самым правильным в этом мире.

Глава пятая

Человек под перевёрнутым дубом оказался не стариком,

как думала Алиса, и не молодым – он был вообще без возраста, как время, которое застыло в ожидании. Когда она подошла ближе, плащ из звёздной пыли расступился, и она увидела лицо, которое невозможно было запомнить: стоило отвернуться – и черты тут же расплывались, оставляя после себя только ощущение, что ты смотрел на что-то очень важное, но забыл, на что именно. Руки, унизанные кольцами, жестом пригласили её сесть на пенёк, который вырос из земли прямо у ног. Алиса села, и человек заговорил голосом, похожим на шелест страниц в библиотеке, где никто не открывал книг сто лет.

«Ты пришла с картами, – сказал он. – Но я не буду их смотреть. Карты врут. Не потому, что они плохие. Просто они видят только то, что уже есть. А тебе нужно узнать то, что будет. Или не будет. Или могло бы быть, если бы ты сделала другой выбор. Для этого нужен кофе. Не тот, который ты пила в своём мире – бодрящая горечь для утренних пробуждений. У нас кофе – это ключ. Ключ к чужим сердцам. Выпьешь – и на час почувствуешь каждого, кто рядом. Их страхи, их надежды, их тайны, которые они сами от себя прячут. Это страшно. Но полезно. Хочешь?»

Алиса кивнула, хотя внутри всё сжалось от предчувствия. Человек щёлкнул пальцами, и из воздуха материализовалась крошечная чашка – чёрная, с золотым ободком, изнутри по-

крытая иероглифами, которые двигались, как живые. Кофе в чашке был не чёрным и не коричневым, а прозрачным, как слеза, и на дне плавала одна-единственная кофейная гуща в форме человеческого уха. «Пей медленно, – сказал читатель карт, которого звали просто Чтец. – Не торопись. Кофе должен пропитать тебя изнутри. Когда допьёшь до дна, закрой глаза и прислушайся. Ты услышишь не звуки. Ты услышишь души».

Алиса сделала первый глоток. Кофе оказался горьким, как разочарование, и сладким, как неожиданное прощение, одновременно. Он обжёг губы, но вместо боли принесло странное тепло, которое разлилось по языку, спустилось в горло, а потом взорвалось в груди тысячью маленьких солнц. Она почувствовала, как её собственные границы начинают таять – будто кожа стала решетом, и сквозь каждую пору внутрь просачивается что-то чужое. Она допила кофе до дна, поставила чашку на траву и закрыла глаза.

Первое, что она слышала, был Чтец. Не голос, а его душу – она оказалась огромной, как океан, и пустой, как комната, из которой вынесли всю мебель. В этой пустоте гуляло эхо, и эхо повторяло одно и то же слово: «Помнить, помнить, помнить». Алиса поняла, что Чтец потерял что-то очень важное – возможно, своё собственное имя, возможно, способность плакать, – и теперь его душа была лишь памятью о памяти.

Она хотела отстраниться, но кофе не позволял. Вторым, что ворвалось в неё, был Астор. Он стоял в отдалении, но Алиса чувствовала его так остро, будто он сидел у неё на коленях. Душа Астора была похожа на сундук, набитый битыми стёклами. Каждое стекло – это сожаление. Но между стёклами, в крошечных зазорах, росла трава – зелёная, живая, упрямая. Это была надежда. Он прятал её ото всех, даже от себя, но кофе показал Алисе каждый стебелёк.

Потом пришли другие. Люди, которых она не видела, но чувствовала – все, кто находился в радиусе мили от этого места. Женщина, которая плакала в подвале своего дома, потому что её муж забыл их годовщину – её душа пахла мятой и старой обидой. Мужчина, который шёл по дороге и улыбался, потому что сегодня он впервые за десять лет не захотел выпить – его душа звенела, как колокольчик, но в звоне этом слышалась тонкая, почти незаметная трещина страха. Ребёнок, который играл с котёнком в пыли – его душа была радужной, переливалась всеми цветами, и в ней не было ни одной чёрной точки. Алиса заплакала, когда почувствовала ребёнка. Такой чистоты она не знала даже в себе.

Но самым сильным оказалось ощущение тех, кого она любила и потеряла. Кофе вытащил из глубин её памяти бабушку – ту, что умерла, когда Алисе было десять. Душа бабушки не ушла полностью, она осталась маленьким облачком теп-

ла где-то в районе солнечного сплетения Алисы, и сейчас это облачко засветилось, задышало, заговорило без слов: «Я здесь. Я всегда здесь. Ты просто не умела меня чувствовать без кофе». Алиса разрыдалась в голос, не открывая глаз, и слёзы капали в пустую чашку, и там, где они падали, гуща складывалась в новые фигуры – в лица, в сердца, в слова, которые она пока не могла прочитать.

Чтец положил свою холодную руку ей на плечо. «Не бойся плакать, – сказал он. – Кофе открывает не только чужие души, но и твою собственную. То, что ты чувствуешь сейчас – это не боль. Это встреча. Ты встречаешься с теми, кого носишь внутри. С бабушкой, с первой любовью, с тем мальчиком, которого ты обидела в третьем классе и до сих пор об этом жалеешь. Они все здесь. Все внутри тебя. Кофе просто снял крышку. Не закрывай её обратно слишком быстро. Посмотри. Послушай. Запомни».

Алиса открыла глаза. Мир вокруг изменился – он стал прозрачным. Сквозь деревья она видела не кору и не листья, а пульсацию их душ: у каждого дерева была своя душа, медленная, тягучая, как смола. Сквозь землю она видела корни, а в корнях – спящих существ, которые когда-то были людьми, но устали чувствовать и выбрали сон на сотни лет. Сквозь Астора она видела его сундук со стёклами и траву, которая уже подросла за те минуты, что она пила кофе. «Что

ты видишь?» – спросил Чтец. «Всё, – ответила Алиса шёпотом. – Я вижу всё. И это слишком много». «Правильно, – кивнул Чтец. – Поэтому кофе действует только час. Дальше человеческий мозг не выдерживает. Ты сойдёшь с ума, если будешь чувствовать каждого. Умрёшь от сострадания или от ужаса. Поэтому – час. Ровно шестьдесят минут, чтобы понять главное: все люди одиноки. Все. Без исключения. Даже те, кто улыбается. Даже те, кто говорит, что счастлив. У каждого внутри есть пустота. И каждый мечтает, чтобы кто-то эту пустоту увидел. Не заполнил – просто увидел. Ты только что это сделала. Ты увидела пустоты Астора и мою. И бабушкину. И мальчика с котёнком. Это дорогого стоит».

Алиса почувствовала, как действие кофе начинает слабеть. Мир постепенно терял прозрачность, души людей снова прятались за кожей и костями, деревья становились просто деревьями. Но осталось одно – ощущение, что она теперь знает то, чего не знала раньше. Она знала, что Астор, который казался таким богатым и самоуверенным, на самом деле боится темноты. Что Чтец, который читает чужие судьбы, не может прочесть свою собственную. Что бабушка, которую она оплакивала десять лет, никогда не уходила – просто ждала, когда Алиса научится её чувствовать. «Как я жила без этого?» – спросила она вслух, ни к кому не обращаясь. «Ты жила, – ответил Чтец. – И это уже много. Большинство людей никогда не пробуют наш кофе. Они боятся увидеть

правду. Не о других – о себе. Ты не испугалась. Это твой второй прыжок веры за сегодня. Первый был с крыши. Второй – внутрь себя. Он сложнее. Но ты справилась».

Астор подошёл к ним, и Алиса увидела его по-новому – не сквозь кофе, а сквозь то знание, которое кофе оставил после себя. Она увидела, как он прячет левую руку в карман, потому что на пальце у него нет кольца, которое было сто лет. Увидела, как он избегает смотреть на север – там, за горизонтом, находится место, где он потерял дочь. Увидела, как он каждое утро пересчитывает свои сожаления, как другие пересчитывают деньги, и каждый раз одной жемчужины не хватает. «Ты теперь знаешь обо мне слишком много, – сказал Астор, не глядя ей в глаза. – Это сделает нашу дружбу либо очень глубокой, либо очень короткой. Выбирай». Алиса встала, подошла к нему и взяла за руку – ту самую, левую, которую он прятал. «Глубокой, – сказала она. – Я выбираю глубокую. Потому что теперь я знаю, что такое настоящая дружба. Это когда видишь пустоту другого и не пытаешься её заполнить. Просто сидишь рядом и молчишь. И этого достаточно».

Чтец одобрительно кивнул, щёлкнул пальцами, и чашка с золотым ободком исчезла. «Ты выдержала, – сказал он. – Теперь ты готова к следующему шагу. Но не сегодня. Сегодня – отдыхай. Твоя душа устала. Она впустила столько людей,

сколько не впускала за всю жизнь. Ей нужно время, чтобы переварить. Завтра я покажу тебе, как гадать на кофейной гуще. Это искусство. Оно требует не зрения, а слуха. Ты умеешь слушать? Настоящее слушание – когда слышишь даже то, что не сказано?» Алиса кивнула. «Тогда завтра в это же время. А сейчас иди. Астор проводит. И не забудь: действие кофе прошло, но то, что ты узнала – останется. Навсегда. Даже если захочешь забыть – не получится. Так работает этот напиток. Он даёт способность чувствовать людей. Но забирает способность быть к ним равнодушной. Ты готова к такой цене?» Алиса не ответила. Она просто пошла прочь из леса, держа Астора за руку, и чувствовала, как его пустота и её пустота соприкасаются, не смешиваясь, но грея друг друга. И этого было достаточно. Без кофе.

Они вышли из леса Ответов, и Алиса всё ещё чувствовала лёгкое эхо кофе – не само ощущение чужих душ, а память о нём, как привкус мяты после того, как чашка уже выпита. Астор вёл её в сторону, где вдали блестели шпили, похожие на застывшие молнии. «Туда нам пока рано, – сказал он, перехватив её взгляд. – Это Дворец Отражений, там живут аристократы. Но не те, кого ты знаешь по земным фильмам. Наши аристократы – это не те, у кого много денег или власти. У нас аристократы – это те, кто умеет молчать. Чем дольше ты можешь хранить молчание в разговоре, тем выше твой статус. Самые родовитые могут не открывать рта по

несколько дней, общаясь одними взглядами и паузами. Это считается вершиной этикета. Но ты к этому пока не готова. Сначала научись говорить, потом – молчать. У вас, на Земле, всё наоборот: вы сначала молчите, а потом жалеете, что не сказали. У нас – сначала говорят, а потом жалеют, что не промолчали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.